

НИКОЛАЙ НОСОВ



Носов нашего детства

Николай Носов

Все рассказы

«Азбука-Аттикус»

1955-1975

УДК 821.161.1-32-93
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Носов Н. Н.

Все рассказы / Н. Н. Носов — «Азбука-Аттикус»,
1955-1975 — (Носов нашего детства)

ISBN 978-5-389-17677-5

Николай Носов — замечательный писатель, автор весёлых рассказов и повестей, в том числе о приключениях Незнайки и его приятелей-коротышек из Цветочного города. Произведения Носова давно стали любимейшим детским чтением. Настоящее издание — без сомнения, уникальное, ведь под одной обложкой собраны ВСЕ рассказы Николая Носова, проиллюстрированные Генрихом Вальком, Аминадавом Каневским, Иваном Семёновым, Евгением Мигуновым, Виталием Горяевым и другими выдающимися художниками. Они сумели создать на страницах книг знаменитого писателя атмосферу доброго веселья и юмора, воплотив яркие, запоминающиеся образы фантазёров и выдумщиков, проказников и сорванцов, с которыми мы, читатели, дружим уже много-много лет.

УДК 821.161.1-32-93
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-389-17677-5

© Носов Н. Н., 1955-1975
© Азбука-Аттикус, 1955-1975

Содержание

Огурцы	6
Федина задача	13
Метро	18
Замазка	24
Саша	29
Под одной крышей	40
На горке	60
Ступеньки	64
Живая шляпа	67
Карасик	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Николай Николаевич Носов

Все рассказы

© Носов. Текст, художественные образы, иллюстрации, фотография, 2019

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Масхаон®

Огурцы



Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и набрали полные карманы огурцов. Колхозный сторож заметил их и засвистел в свисток. Они от него бежать. По дороге домой Павлик подумал, как бы ему дома не досталось за то, что он лазит по чужим огородам. И он отдал свои огурцы Котьке.

Котька пришёл домой радостный:

– Мама, я тебе огурцов принёс!

Мама посмотрела, а у него полные карманы огурцов, и за пазухой огурцы лежат, и в руках ещё два больших огурца.

– Где ты их взял? – говорит мама.

– На огороде.

– На каком огороде?

– Там, у реки, на колхозном.

– Кто ж тебе позволил?

– Никто, я сам нарвал.

- Значит, украл?
- Нет, не украл, а так просто... Павлик брал, а мне нельзя, что ли? Ну, и я взял. Котька начал вынимать огурцы из карманов.
- Постой, постой! Не выгружай! – говорит мама.
- Почему?
- Сейчас же неси их обратно!
- Куда ж я их понесу? Они на грядке росли, а я сорвал. Всё равно они теперь уже расти не будут.
- Ничего, отнесёшь и положишь на той же грядке, где сорвал.
- Ну, я их выброшу.
- Нет, не выбросишь! Ты их не сажал, не растил, не имеешь права и выбрасывать. Котька стал плакать:
- Там сторож. Он нам свистел, а мы убежали.



- Вот видишь, что делаете! А если б он поймал вас?
- Он не догнал бы. Он уже старенький дедушка.

– Ну как тебе не стыдно! – говорит мама. – Ведь дедушка за эти огурцы отвечает. Узнают, что огурцы пропали, скажут, что дедушка виноват. Хорошо будет?

Мама стала совать огурцы обратно Котьке в карман. Котька плакал и кричал:

– Не пойду я! У дедушки ружьё. Он выстрелит и убьёт меня.

– И пусть убьёт! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор.

– Ну, пойдём со мной, мамочка! На дворе темно. Я боюсь.

– А братъ не боялся?

Мама дала Котьке в руки два огурца, которые не поместились в карманах, и вывела его за дверь.

– Или носи огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!

Котька повернулся и медленно-медленно пошёл по улице.

Уже было совсем темно.





«Брошу их тут, в канаву, а скажу, что отнёс, – решил Котька и стал оглядываться вокруг. – Нет, отнесу: ещё кто-нибудь увидит и дедушке из-за меня попадёт».

Он шёл по улице и плакал. Ему было страшно.

«Павлику хорошо! – думал Котька. – Он мне свои огурцы отдал, а сам дома сидит. Ему небось не страшно».

Вышел Котька из деревни и пошёл полем. Вокруг не было ни души. От страха он не помнил, как добрался до огорода. Остановился возле шалаша, стоит и плачет всё громче и громче. Сторож услышал и подошёл к нему.

– Ты чего плачешь? – спрашивает.

– Дедушка, я принёс огурцы обратно.



- Какие огурцы?
- А которые мы с Павликом нарвали. Мама сказала, чтоб я отнёс обратно.
- Вот оно какое дело! – удивился сторож. – Это, значит, я вам свистел, а вы всё-таки огурцы-то стащили. Нехорошо!
- Павлик брал, и я взял. Он мне и свои огурцы отдал.
- А ты на Павлика не смотри, сам понимать должен. Ну, больше не делай так. Давай огурцы и иди домой.
- Котька вытащил огурцы и положил их на грядку.
- Ну, все, что ли? – спросил старик.
- Нет... одного не хватает, – ответил Котька и снова заплакал.
- Почему не хватает, где же он?
- Дедушка, я один огурец съел. Что теперь будет?
- Ну что ж будет? Ничего не будет. Съел, ну и съел. На здоровье.

– А вам, дедушка, ничего не будет за то, что огурец пропал?
– Ишь ты какое дело! – усмехнулся дедушка. – Нет, за один огурец ничего не будет. Вот если б ты не принёс остальных, тогда да, а так нет.

Котька побежал домой. Потом вдруг остановился и закричал издали:

– Дедушка, дедушка!

– Ну что ещё?

– А этот вот огурец, что я съел, как будет считаться – украл я его или нет?

– Гм! – сказал дед. – Вот ещё какая задача! Ну чего там, пусть не украл.

– А как же?

– Ну, считай, что я тебе подарил его.

– Спасибо, дедушка! Я пойду.

– Иди, иди, сынок.

Котька во весь дух помчался по полю, через овраг, по мостику через ручей и, уже не спеша, пошёл по деревне домой. На душе у него было радостно.



Федина задача



Раз как-то зимой Федя Рыбкин пришёл с катка. Дома никого не было. Младшая сестра Феди, Рина, уже успела сделать уроки и пошла играть с подругами. Мать тоже куда-то ушла.

– Вот и хорошо! – сказал Федя. – По крайней мере, никто не будет мешать делать уроки.

Он включил телевизор, достал из сумки задачник и стал искать заданную на дом задачу.

– «Передаём концерт по заявкам», – объявил он.

– Концерт – это хорошо, – сказал Федя. – Веселей будет делать уроки.

Он отрегулировал телевизор, чтоб было погромче, и сел за стол.

– Ну-ка, что тут нам на дом задано? Задача номер шестьсот тридцать девять? Так... «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом...»

Вместо диктора на экране появился певец в чёрном костюме и запел густым, рокочущим басом:

Жил-был король когда-то,
При нём блоха жила.
Милей родного брата
Она ему была.

– Вот какой противный король! – сказал Федя. – Блоха ему, видите ли, милей родного брата!

Он почесал кончик носа и принялся читать задачу сначала:

– «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом. Рожь смололи, причём из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки...»

Блоха! Ха-ха! —

засмеялся певец и продолжал петь:

Позвал король портного:
«Послушай, ты, чурбан!
Для друга дорогого
Сшей бархатный кафтан».

– Ишь что ещё выдумал! – воскликнул Федя. – Блохе – кафтан! Интересно, как портной его шить будет? Блоха ведь маленькая!

Он прослушал песню до конца, но так и не узнал, как портной справился со своей задачей. В песне ничего про это не говорилось.

– Плохая песня, – решил Федя и опять принялся читать задачу: – «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом. Рожь смололи, причём из шести килограммов зерна...»

Он был титулярный советник,
Она – генеральская дочь, —

запел певец снова.

– Интересно, кто такой титулярный советник? – сказал Федя. – Гм!

Он потёр обеими руками уши, словно они у него замёрзли, и, стараясь не обращать внимания на радио, принялся читать задачу дальше:

– Так, «...из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки. Сколько понадобилось машин для перевозки всей муки, если на каждой машине помещалось по три тонны муки?»



Пока Федя читал задачу, песенка про титулярного советника кончилась и началась другая:

Легко на сердце от песни весёлой,
Она скучать не даёт никогда,
И любят песню деревни и сёла,
И любят песню большие города!

Эта песенка очень понравилась Феде. Он даже забыл про задачу и стал пристукивать карандашом по столу в такт.

– Хорошая песня! – одобрил он, когда пение кончилось. – Так... О чём тут у нас говорится? «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи...»

Однозвучно гремит колокольчик, —

послышался высокий мужской голос из телевизора.

– Ну, гремит и пусть гремит, – сказал Федя. – Нам-то какое дело? Нам надо задачу решать. На чём тут мы остановились? Так... «Для дома отдыха купили двадцать одеял и сто тридцать пять простынь за двести пятьдесят шесть рублей. Сколько денег уплатили за купленные одеяла и простыни в отдельности...» Позвольте! Откуда тут ещё одеяла с простынями взялись? У нас разве про одеяла? Тьфу, чёрт! Да это не та задача! Где же та?.. А, вот она! «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи...»

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит...

– Опять про колокольчик! – воскликнул Федя. – На колокольчиках помешались! Так... Утомительно гремит... в каждом мешке... рожь смололи, причём из шести килограммов муки вышло пять килограммов зерна... То есть муки вышло, а не зерна! Совсем запутали!

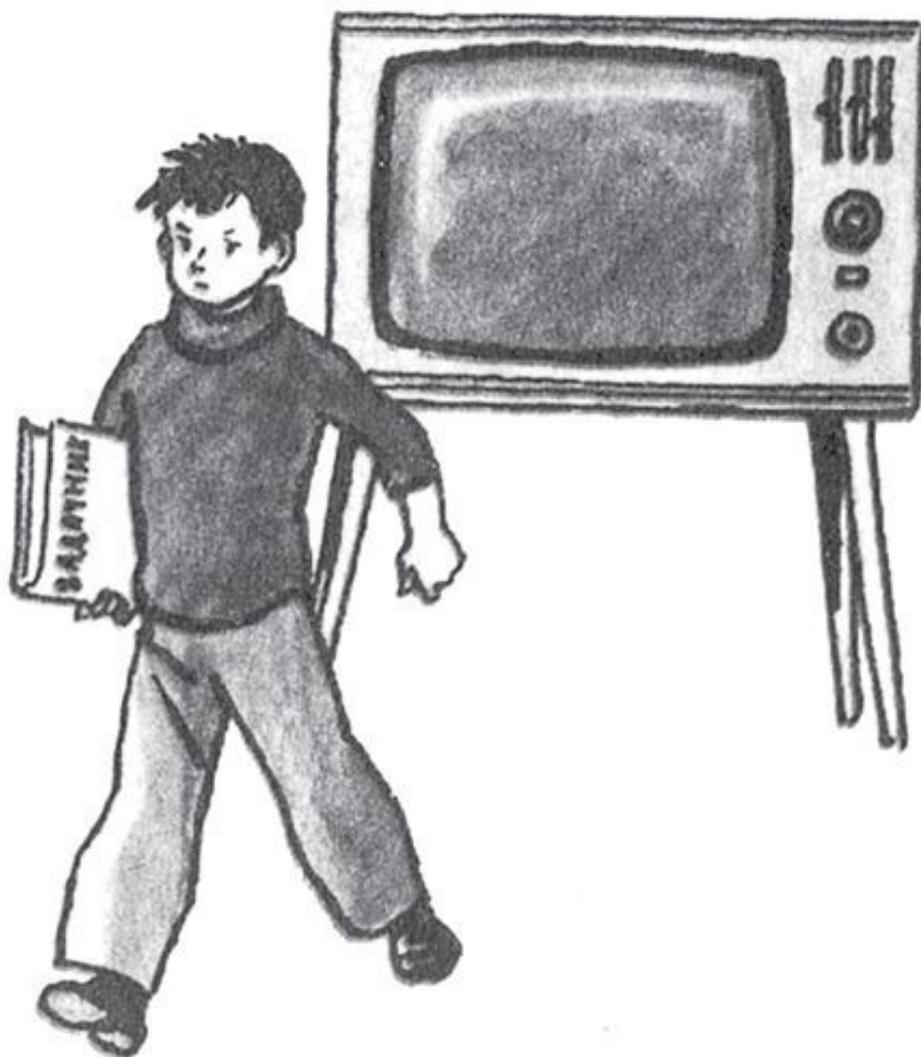
Колокольчики мои, цветики степные!
Что глядите на меня, тёмно-голубые?

– Тьфу! – плюнул Федя. – Прямо деваться от колокольчиков некуда! Хоть из дому беги, с ума можно сойти!.. Из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки, и спрашивается, сколько понадобилось машин для перевозки всей муки...

Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полудённом...

– Очень нам нужно ещё алмазы считать! Тут мешки с мукой никак не сосчитаешь! Прямо наказание какое-то! Двадцать раз прочитал задачу – и ничего не понял! Пойду лучше к Юре Сорокину, попрошу, чтоб растолковал.

Федя Рыбкин взял под мышку задачник, выключил телевизор и пошёл к своему другу Сорокину.



Метро



Мы с мамой и Вовкой были в гостях у тёти Оли в Москве. В первый же день мама и тётя ушли в магазин, а нас с Вовкой оставили дома. Дали нам старый альбом с фотографиями, чтоб мы рассматривали. Ну, мы рассматривали, рассматривали, пока нам это не надоело.

Вовка сказал:

– Мы так и Москву не увидим, если будем целый день дома сидеть!

Стали в окно глядеть. Напротив – станция метро.

Я говорю:

– Пойдём на метро покатаемся.

Пришли мы на станцию, взяли билеты и поехали под землёй. Сначала показалось страшно, а потом ничего, интересно. Проехали две остановки, вылезли.

«Осмотрим, – думаем, – станцию – и назад».

Стали осматривать станцию, а там лестница движется. Люди по ней вверх и вниз едут. Стали и мы кататься: вверх и вниз, вверх и вниз... Ходить совсем не надо, лестница сама возит.

Накатались по лестнице, сели на поезд и поехали обратно. Слезли через две остановки, смотрим – не наша станция!

– Наверно, мы не в ту сторону поехали, – говорит Вовка.



Сели мы на другой поезд, поехали в обратную сторону. Приезжаем – опять не наша станция! Тут мы испугались.

– Надо спросить кого-нибудь, – говорит Вовка.

– А как же ты спросишь? Ты знаешь, на какой станции мы сядились?

– Нет. А ты?

– Я тоже не знаю.

– Давай ездить по всем станциям, может, отыщем как-нибудь, – говорит Вовка.

Стали мы ездить по станциям. Ездили, ездили, даже голова закружилась.

Вовка стал хныкать:

– Пойдём отсюда!

– Куда ж мы пойдём?

– Всё равно куда! Я наверх хочу.

– А что тебе наверху делать?

– Не хочу под землёй!

И начал реветь.

– Не надо, – говорю, – плакать. В милицию заберут.

– Пусть забирают! Э-э-э!..

– Ну, пойдём, пойдём, – говорю. – Не реви только. Вон милиционер уже смотрит на нас!

Схватил его за руку – и скорей на лестницу. Поехали вверх. «Куда же нас вывезет? – думаю. – Что теперь с нами будет?»

Вдруг смотрим – навстречу нам мама с тётёй Олей по другой лестнице едут. Я как закричу:

– Мама!

Они увидели нас и кричат:

– Что вы здесь делаете?

А мы кричим:

– Мы никак выбраться отсюда не можем!

Больше ничего крикнуть не успели: нас лестница вверх утащила, а их вниз. Приехали мы наверх – и скорей по другой лестнице вниз, за ними вдогонку. Вдруг смотрим – а они снова навстречу едут! Увидели нас и кричат:





– Куда же вы? Почему нас не подождали?

– А мы за вами поехали!

Приезжаем вниз. Я говорю Вовке:

– Подождём. Они сейчас к нам приедут.

Ждали мы, ждали, а их всё нет и нет.

– Наверно, они нас ждут, – говорит Вовка. – Поедем.

Только поехали, а они снова навстречу.

– Мы вас ждали, ждали!.. – кричат.

А вокруг все хохочут.

Приехали мы снова наверх – и опять поскорей вниз. Поймали наконец их. Мама начала бранить нас за то, что ушли без спросу, а мы стали рассказывать, как потеряли станцию.

Тётя говорит:

– Не понимаю, как это вы потеряли станцию! Я тут каждый день езжу, а ещё ни разу станцию не потеряла. Ну, поедem домой.

Сели мы на поезд. Поехали.

– Эх вы, пошехонцы! – говорит тётя. – Искали рукавицы, а они за поясом. В трёх соснах заблудились. Потеряли станцию!

И вот так всю дорогу смеялась над нами.

Приезжаем на станцию, тётя посмотрела вокруг и говорит:

– Тьфу! Совсем вы меня запутали! Нам на Арбат надо, а мы на Курский вокзал приехали.

Не в ту сторону сели.

Пересели мы на другой поезд и поехали обратно. И тётя больше уже не смеялась над нами. И пошехонцами не называла.



Замазка



Однажды стекольщик замазывал на зиму рамы, а Костя и Шурик стояли рядом и смотрели. Когда стекольщик ушёл, они отковыряли от окон замазку и стали лепить из неё зверей. Только звери у них не получились. Тогда Костя слепил змею и говорит Шурику:

– Посмотри, что у меня получилось.

Шурик посмотрел и говорит:

– Ливерная колбаса.

Костя обиделся и спрятал замазку в карман. Потом они пошли в кино. Шурик всё беспокоился и спрашивал:

– Где замазка?

А Костя отвечал:

– Вот она, в кармане. Не съем я её!

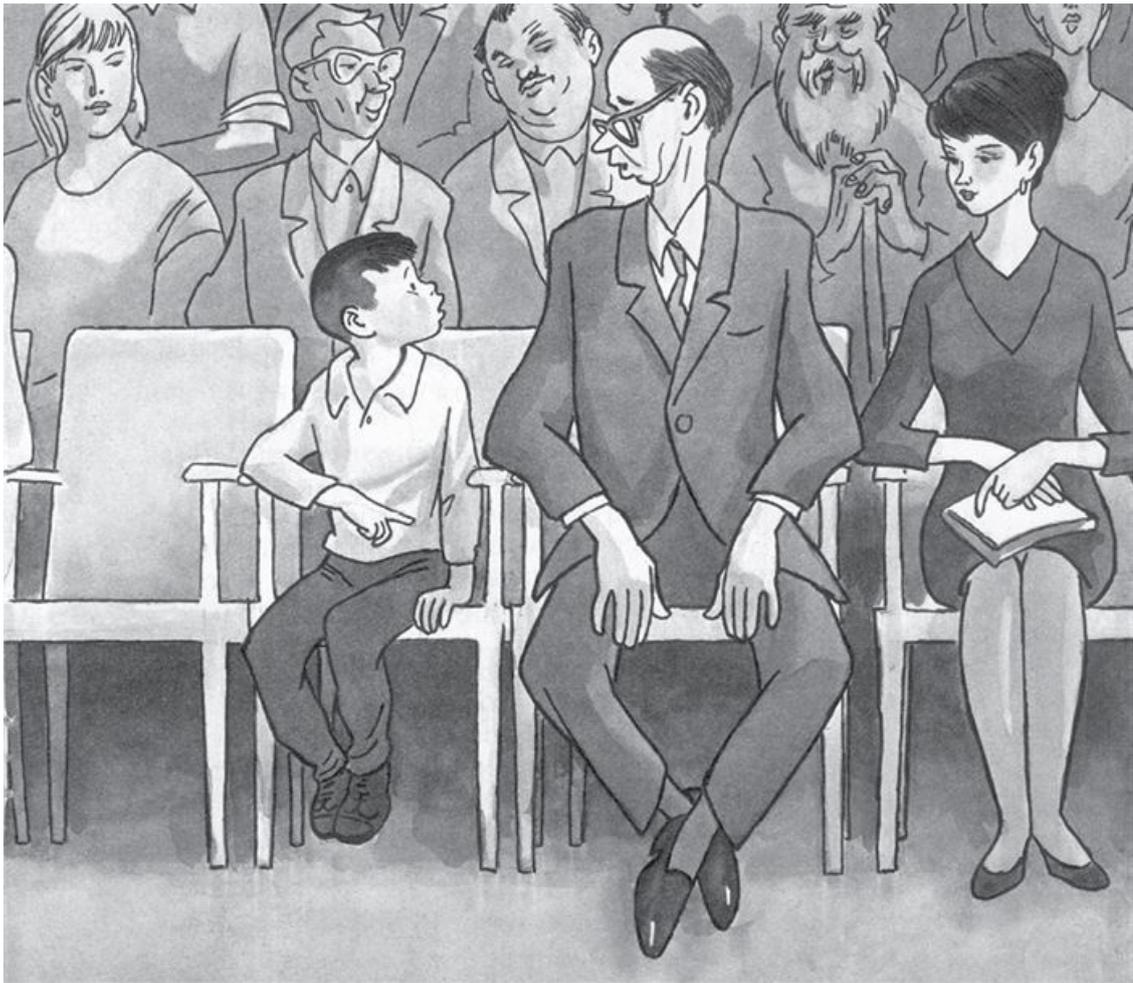
В кино они взяли билеты и купили два мятных пряника. Вдруг зазвонил звонок. Костя бросился занимать место, а Шурик где-то застрял. Вот Костя занял два места. На одно сел сам, а на другое положил замазку. Вдруг пришёл незнакомый гражданин и сел на замазку.

Костя говорит:

– Это место занято, здесь Шурик сидит.

– Какой такой Шурик? Здесь я сижу, – сказал гражданин.





Тут прибежал Шурик и сел рядом с другой стороны.

– Где замазка? – спрашивает.

– Тише! – прошептал Костя и покосился на гражданина.

– Кто это? – спрашивает Шурик.

– Не знаю.

– Чего ж ты его боишься?

– Он на замазке сидит.

– Зачем же ты отдал ему?

– Я не давал, а он сел.

– Так забери!

Тут погас свет и началось кино.

– Дяденька, – сказал Костя, – отдайте замазку.

– Какую замазку?

– Которую мы из окна выковыряли.

– Из окна выковыряли?

– Ну да. Отдайте, дядя!

– Да я ведь не брал у вас!

– Мы знаем, что не брали. Вы сидите на ней.

– Сижу?!

– Ну да.

Гражданин подскочил на стуле.

– Чего ж ты раньше молчал, негодный?

- Так я ведь говорил вам, что место занято.
- Когда же ты говорил? Когда я сел уже!
- Откуда же я знал, что вы сядете?
- Гражданин встал и принялся шарить на стуле.
- Ну, где же ваша замазка, злодеи? – проворчал он.
- Постойте, вот она! – сказал Костя.
- Где?
- Вот, на стуле размазалась. Мы сейчас счистим.
- Счищайте скорей, негодные! – кипятился гражданин.
- Садитесь! – кричали на них сзади.
- Не могу, – оправдывался гражданин. – У меня тут замазка.
- Наконец ребята соскоблили замазку.
- Ну, теперь хорошо, – сказали они. – Садитесь.
- Гражданин сел.
- Стало тихо.
- Костя уже хотел смотреть кино, но тут послышался шёпот Шурика:
- Ты уже съел свой пряник?
- Нет ещё. А ты?
- Я тоже нет. Давай есть.
- Давай.
- Послышалось чавканье. Костя вдруг плюнул и прохрипел:
- Послушай, у тебя пряник вкусный?
- Угу.
- А у меня невкусный. Мягкий какой-то. Наверное, растаял в кармане.
- А замазка где?
- Замазка вот, в кармане... Только постой! Это не замазка, а пряник. Тьфу! В темноте перепутал, понимаешь, замазку и пряник. Тьфу! То-то я гляжу, что она невкусная!
- Костя со злости швырнул замазку на пол.
- Зачем же ты её бросил? – спросил Шурик.
- А на что мне она?
- Тебе не нужна, а мне нужна, – проворчал Шурик и полез под стул искать замазку. – Где же она? – сердился он. – Вот ищи теперь.
- Сейчас я найду, – сказал Костя и тоже исчез под стулом.
- Ай! – послышалось вдруг откуда-то снизу. – Дядя, пустите!
- Кто это там?
- Это я.
- Кто – я?
- Я, Костя. Пустите меня!
- Да я ведь не держу тебя.
- Вы мне на руку наступили!
- Чего ж ты полез под стул?



– Я замазку ищу.

Костя пролез под стулом и встретился с Шуриком нос к носу.

– Кто это? – испугался он.

– Это я, Шурик.

– А это я, Костя.

– Нашёл?

– Ничего не нашёл.

– И я не нашёл.

– Давай лучше кино смотреть, а то все пугаются, в лицо ногами тыкают, думают – собака.

Костя и Шурик пролезли под стульями и уселись на свои места.

Перед ними на экране мелькнула надпись: «Конец».

Публика бросилась к выходу. Ребята вышли на улицу.

– Что это за кино мы смотрели? – говорит Костя. – Я что-то ничего не разобрал.

– А я, думаешь, разобрал? – ответил Шурик. – Какая-то чепуха на постном масле. Показывают же такие картины!



Саша



Саша давно просил маму подарить ему пистолет, который стреляет пистонами.

– Зачем тебе такой пистолет? – говорила мама. – Это опасная игрушка.

– Что тут опасного? Если б он пулями стрелял, а то пистонами. Из него всё равно никого не убьёшь.

– Мало ли что может случиться. Пистон отскочит и попадёт тебе в глаз.

– Не попадёт! Я буду зажмуриваться, когда буду стрелять.

– Нет, нет, от этих пистолетов бывают разные неприятные случаи. Ещё выстрелишь да напугаешь кого-нибудь, – сказала мама.

Так и не купила ему пистолета.

А у Саши были две старшие сестры, Маринка и Ирочка. Вот он и стал просить сестёр:

– Миленькие, купите мне пистолетик! Мне очень хочется. За это я всегда буду вас слушаться.

– Ты, Сашка, хитренький! – сказала Марина. – Когда тебе надо, так ты подлизываешься и миленькими называешь, а как только мама уйдёт, с тобой и не сладишь.

– Нет, сладишь, сладишь! Вот увидите, как я буду вести себя хорошо.



– Ладно, – сказала Ира. – Мы с Мариной подумаем. Если обещаешь вести себя хорошо, то, может быть, купим.

– Обещаю, обещаю! Всё обещаю, только купите!

На другой день сёстры подарили ему пистолет и коробку с пистонами. Пистолет был новенький и блестящий, а пистонов было много: штук пятьдесят или сто. Стреляй хоть весь день – не перестреляешь. От радости Саша прыгал по комнате, прижимал пистолет к груди, целовал его и говорил:

– Миленький мой, хорошенький пистолетик! Как я тебя люблю!

Потом он нацарапал на ручке пистолета своё имя и начал стрелять. Сразу запахло пистонами, а через полчаса в комнате стало синё от дыма.

– Довольно тебе стрелять, – сказала наконец Ира. – Я каждый раз вздрагиваю от этих выстрелов.

– Трусиха! – ответил Сашка. – Все девчонки – трусихи!

– Вот отнимем у тебя пистолет, тогда узнаешь, какие мы трусихи, – сказала Марина.

– Сейчас я пойду во двор и буду пугать ребят пистолетом, – заявил Сашка.

Он вышел во двор, но ребят во дворе не было. Тогда он побежал за ворота, и вот тут-то случилась эта история. Как раз в это время по улице шла старушка. Сашка подпустил её поближе – и как бабахнет из пистолета! Старушка вздрогнула и остановилась. Потом говорит:

– Уф, как я испугалась! Это ты тут из пистолета палишь?

– Нет, – сказал Сашка и спрятал пистолет за спину.

– Что же, я не вижу, что у тебя пистолет в руках? Ещё врать вздумал, бессовестный! Вот я пойду заявлю в милицию...

Она погрозила пальцем, перешла на другую сторону улицы и скрылась в переулке.

– Вот так штука! – испугался Саша. – Кажется, на самом деле пошла в милицию жаловаться.

Он, запыхавшись, прибежал домой.

– Чего ты запыхался, будто за тобой волк гонится? – спросила Ира.

– Это я так просто.

– Нет, ты уж лучше скажи. Сразу видно, что чего-нибудь натворил.

– Да ничего я не натворил – просто так... Напугал бабку какую-то.



- Какую бабку?
- Ну «какую, какую»! Обыкновенную. Просто шла по улице бабушка, а я взял да и выстрелил.
- Зачем же ты выстрелил?
- Сам не знаю. Идёт бабушка. Дай, думаю, выстрелю. Ну и выстрелил.
- А она что?
- Ничего. Пошла в милицию жаловаться.
- Вот видишь, обещал вести себя хорошо, а сам что наделал!
- Я же не виноват, что бабка попалась такая пугливая.
- Вот придёт милиционер, он тебе покажет бабку! – пригрозила Ира. – Будешь знать, как людей пугать!

- А как он меня найдёт? Он ведь не знает, где я живу. Даже имени моего не знает.
- Найдёт, будь спокоен! Милиционеры всё знают.

Целый час Саша просидел дома и всё выглядывал в окно – не идёт ли милиционер. Но милиционера не было видно. Тогда он понемногу успокоился, развеселился и сказал:

- Наверно, бабушка меня просто попугать хотела, чтоб я не баловался.

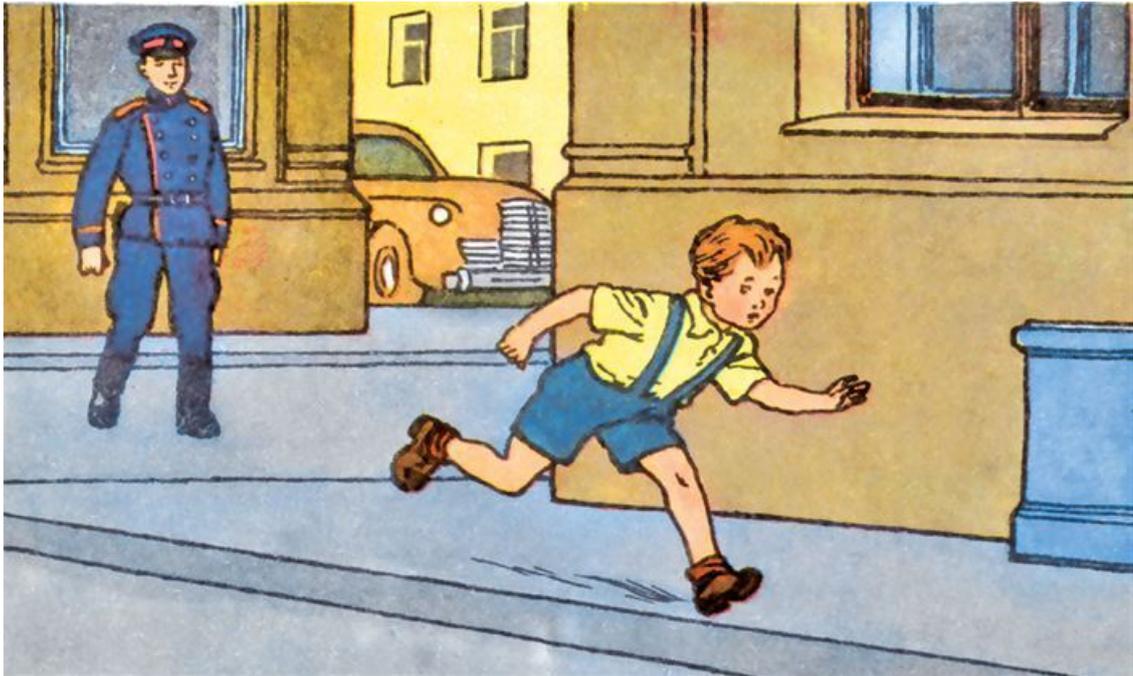
Он решил снова пострелять из своего любимого пистолета и сунул руку в карман. В кармане лежала коробка с патронами, но пистолета не было. Он полез в другой карман, но и там было пусто. Тогда он принялся искать по всей комнате. Смотрел и под столами, и под диваном. Пистолет исчез, будто провалился сквозь землю. Саше стало обидно до слёз.

- Не успел даже поиграть! – хныкал он. – Такой пистолетик был!
- Может быть, ты его во дворе потерял? – спросила Ира.
- Наверно, я его там, за воротами, выронил, – сообразил Саша.

Он открыл дверь и бросился через двор на улицу. За воротами пистолета не было.

«Ну, теперь его уже нашёл кто-нибудь и взял себе!» – с досадой подумал Саша и тут вдруг увидел, что из переулка напротив вышел милиционер и быстро зашагал через улицу, прямо к Шашиному дому.





«За мной идёт! Видно, бабка таки пожаловалась!» – испугался Саша и стремглав побежал домой.

– Ну, нашёл? – спросили его Маринка и Ирочка.

– Тише! – прошипел Сашка. – Милиционер идёт!

– Куда?

– Сюда, к нам.

– Где ты его видел?

– На улице.

Марина и Ира стали над ним смеяться:

– Эх ты, трусишка! Увидел милиционера и испугался. Может быть, милиционер совсем в другое место идёт.

– Да я вовсе и не боюсь его! – стал храбриться Сашка. – Что мне милиционер! Подумай!

Тут за дверью послышались шаги, и вдруг зазвонил звонок. Маринка и Ира побежали открывать дверь. Сашка высунулся в коридор и зашипел:



– Не открывайте ему!

Но Марина уже отворила дверь. На пороге стоял милиционер. Блестящие пуговицы так и сверкали на нём. Сашка опустился на четвереньки и полез под диван.

– Скажите, девочки, где здесь шестая квартира? – слышался голос милиционера.

– Это не здесь, – ответила Ира. – Здесь первая, а шестая – это нужно выйти во двор, а там дверь направо.

– Во дворе, дверь направо? – повторил милиционер.

– Ну да.

Сашка понял, что милиционер вовсе не за ним пришёл, и он уже хотел вылезти из-под дивана, но тут милиционер спросил:

– Кстати, не у вас тут живёт мальчик Саша?

– У нас, – ответила Ира.

– А вот он-то мне как раз нужен, – сказал милиционер и вошёл в комнату.

Марина и Ира вошли вместе с милиционером в комнату и увидели, что Сашка куда-то исчез. Марина даже заглянула под диван. Сашка увидел её и молча погрозил ей из-под дивана кулаком, чтобы она не выдавала его.

– Ну, где же ваш Саша? – спросил милиционер.

Девочки очень испугались за Сашу и не знали, что отвечать. Наконец Марина сказала:

– А его, понимаете, дома нет. Он, понимаете, гулять ушёл.

– А что вы про него знаете? – спросила милиционера Ира.

– Что же я знаю! – ответил милиционер. – Знаю, что зовут его Саша. Ещё знаю, что у него был новенький пистолет, а теперь у него этого пистолета нету.

«Всё знает!» – подумал Сашка.

От страха у него даже зачесалось в носу, и он как чихнёт под диваном: «Апчи!»

– Кто это там? – удивился милиционер.

– А это у нас... Это у нас собака, – соврала Маринка.

– Чего же она под диван забралась?

– А она у нас всегда под диваном спит, – продолжала сочинять Марина.

– Как же её зовут?

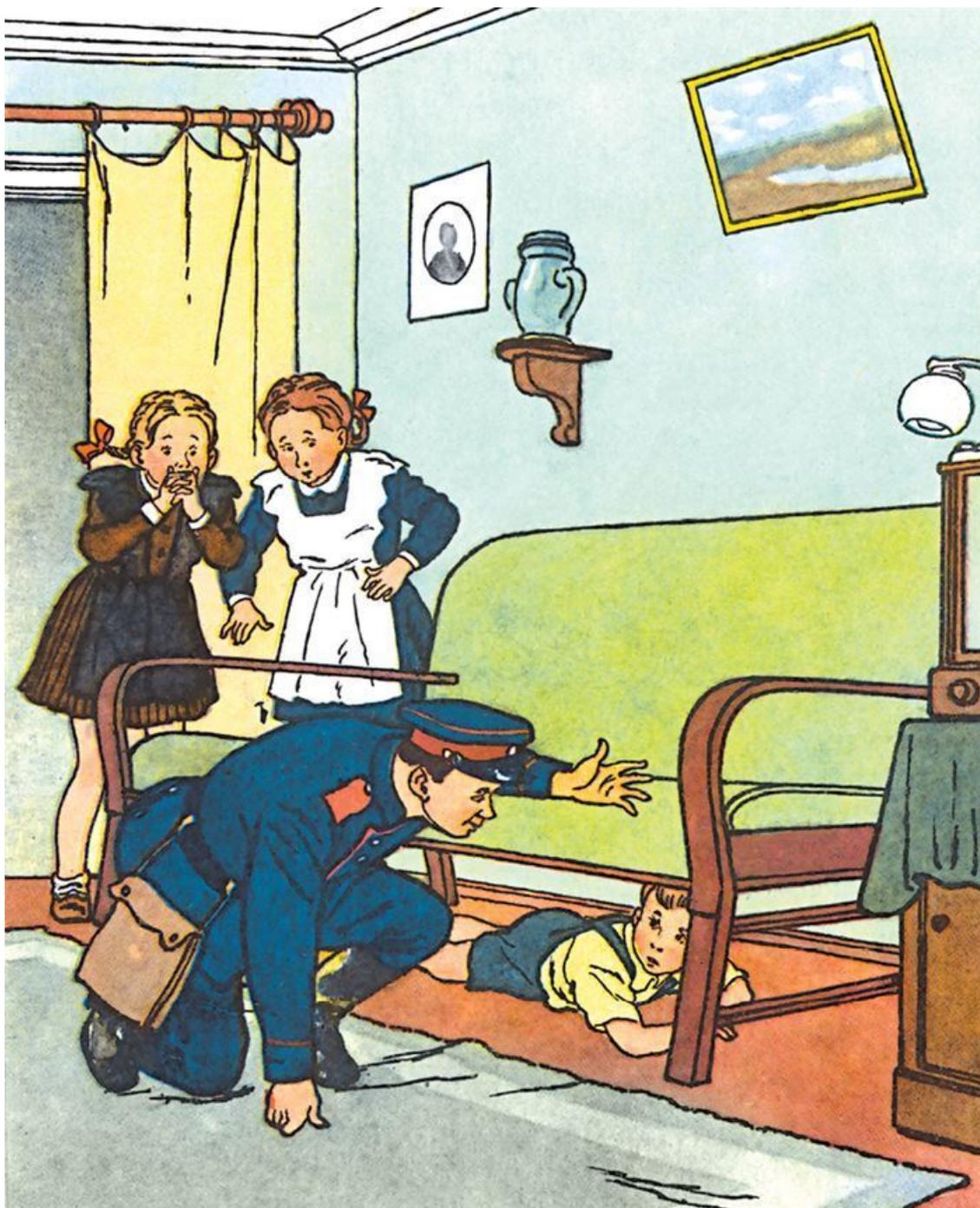
– Э... Бобик, – выдумала Маринка и покраснела, как свёкла.

– Бобик! Бобик! Фью! – засвистел милиционер. – Почему же она не хочет вылезать? Фью! Фью! Ишь ты, не хочет. А собака хорошая? Какой породы?

– Э... – протянула Маринка. – Э-э... – Она никак не могла вспомнить, какие бывают породы собак. – Порода эта вот... – сказала она. – Как её?.. Хорошая порода... Длинношёрстный фокстерьер!

– О, это замечательная собака! – обрадовался милиционер. – Я знаю. У неё такая волосатая морда.

Он нагнулся и посмотрел под диван. Саша лежал ни жив ни мёртв и во все глаза глядел на милиционера. Милиционер даже свистнул от изумления:



– Так вот тут какой фокстерьер! Ты чего под диван забрался, а? Ну-ка, вылезай, теперь всё равно попался!

– Не вылезу! – заревел Саша.

– Почему?

– Вы меня в милицию заберёте.

– За что?

– За старушку.

– За какую старушку?

– За которую я выстрелил, а она испугалась.

– Не пойму, про какую он тут старушку толкует? – сказал милиционер.

– Он на улице из пистолета стрелял, а мимо шла бабушка и испугалась, – объяснила Ира.

– Ах, вот что! Значит, это его пистолет? – спросил милиционер и достал из кармана новенький, блестящий пистолет.

– Его, его! – обрадовалась Ира. – Это мы с Мариной ему подарили, а он потерял. Где вы его нашли?

– Да вот тут, во дворе, у вашей двери... Ну, признавайся, зачем напугал бабушку? – спросил милиционер и нагнулся к Саше.

– Я нечаянно... – ответил Саша из-под дивана.

– Неправда! По глазам вижу, что неправда. Вот скажи правду – отдам пистолет обратно.

– А что мне будет, если я скажу правду?

– Ничего не будет. Отдам пистолет – и всё.

– А в милицию не заберёте?

– Нет.

– Я не хотел напугать бабушку. Я только хотел попробовать, испугается она или нет.

– А вот это, братец, нехорошо! За это тебя следовало бы забрать в милицию, да ничего не поделаешь: раз я обещал не забирать – значит, должен исполнить. Только смотри, если ещё раз набедокуришь – обязательно заберу. Ну, вылезай из-под дивана и получай пистолет.

– Нет, я лучше потом вылезу, когда вы уйдёте.

– Вот чудной какой! – усмехнулся милиционер. – Ну, я уйду.

Он положил пистолет на диван и ушёл. Маринка побежала показать милиционеру шестую квартиру. Саша вылез из-под дивана, увидел свой пистолет и закричал:

– Вот он, мой голубчик! Снова вернулся ко мне! – Он схватил пистолет и сказал: – Не понимаю только, как это милиционер моё имя узнал!

– Ты ведь сам написал своё имя на пистолете, – сказала Ира.

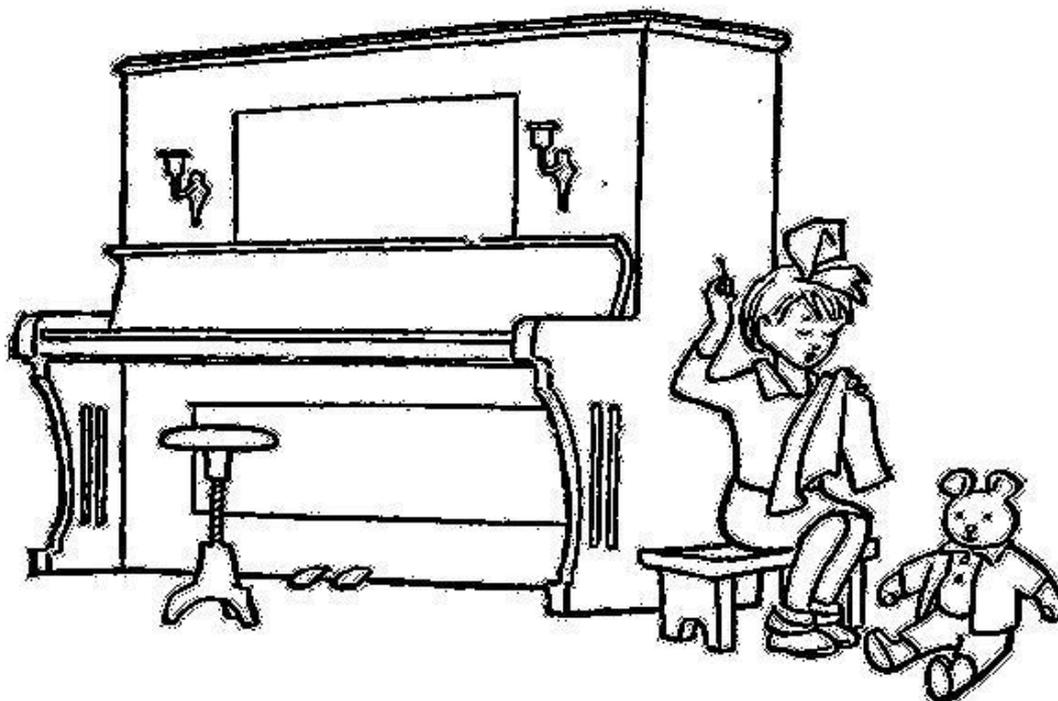
Тут вернулась Марина и набросилась на Сашу:

– Ах ты, чучело! Из-за тебя мне пришлось милиционеру врать! От стыда я чуть не сгорела! Вот натвори ещё чего-нибудь, ни за что не стану тебя выгораживать!

– А я и не буду больше ничего творить, – сказал Саша. – Сам теперь знаю, что не нужно людей пугать.



Под одной крышей



Из всех пичужек самые образованные – это воробьи. И знаете ли почему? Потому что они живут не в лесах или полях, а в сёлах и городах, где могут многому от людей научиться. У них даже имена на человеческий лад. Когда-то, в дни моей молодости, я, например, знал воробья, которого звали – как бы вы думали? – Александр Македонский! У другого моего знакомого воробья было имя, как у известного сказочного богатыря, Алёша Попович. Честное слово, правда! Этот Алёша Попович был не то чтобы какой-нибудь воробьиный силач или богатырь. Нет, он просто происходил из семьи, которая жила когда-то в старой церкви под куполом. Поэтому воробьи и прозвали всю его семейку Поповичами. Был тут и Андрюша Попович, и Кирюша Попович, и Антоша Попович, и вот даже Алёша Попович один оказался.

А того воробья, про которого я хочу рассказать, тоже звали очень красиво – Золотой Петушок. Неизвестно, откуда у него взялось такое красивое имя, но известно, что воробей он был очень умный. Однажды он заболел не на шутку и долго хворал, представьте себе, но всё-таки вылез, и притом сам, без всякой посторонней помощи, то есть без помощи докторов.

И откуда только ума набрался! Ну конечно же от людей.

В те далёкие времена, а было это лет двадцать назад, Золотой Петушок жил на чердаке старого четырёхэтажного дома. Под крышей ему было и тепло, и уютно, и весело, то есть интересно, потому что на чердаке в долгие зимние вечера, когда бывает особенно скучно, он мог сколько угодно слушать, о чём говорят жильцы верхнего этажа. Конечно, слушать он мог, когда говорили достаточно громко. Когда говорили обыкновенным голосом, то было слышно только какое-то неясное бормотание: «Бу-бу-бу! Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!» Впрочем, если хорошенько прислушаться, то и в этом случае можно было кое-что разобрать.

Особенно хорошо на чердаке было слышно радио, а нужно сказать, что в те далёкие времена радио уже всюду существовало. Вот телевидения, правда, не было. Но воробью телевидение и ни к чему, потому что не мог же он смотреть телевизор, сидя на чердаке. Для этого надо

было находиться в комнате. Хорошо на чердаке было слышно также, когда в доме кто-нибудь заводил патефон или играл на пианино. Но вот этого наш Золотой Петушок как раз не любил.

...Дело в том, что на самом верхнем этаже дома жила маленькая девочка. Её звали Наденька. Мама и папа очень любили Наденьку и купили для неё пианино. Им очень хотелось, чтоб их девочка сделалась знаменитой музыкантшей. Но Наденьке не очень хотелось делаться музыкантшей. Ей больше всего хотелось поступить на одёжную фабрику, не сейчас, конечно, а впоследствии, когда подрастёт. А сейчас, пока она ещё была маленькая, ей больше всего нравилось шить для своих кукол платья.

У неё было несколько кукол, и каждой кукле она сшила по платью, а своему любимому плюшевому мишке сшила три пары брюк, три пиджака: чёрный, синий и клетчатый, две сорочки с отложными воротничками, пальто зимнее и демисезонное, трусики, чтоб можно было загорать летом, две смены белья, летнюю шляпу из штапельного полотна, а на зиму тёплую меховую шапку-ушанку, чтобы не замёрзли уши.

Всё это было сделано с таким мастерством, что многие гости, которые бывали у них в доме, приходили в восторг и говорили, что из Наденьки выйдет какая-нибудь знаменитая мастерица по шитью одежды.

Однако Наденькины мама и папа были против того, чтобы их дочь сделалась мастерицей по шитью одежды. Они утверждали, что одежду может шить каждый, а на пианино сыграет не каждый, так как тут нужен талант. Мама говорила, что в детстве у неё самой был замечательный талант к музыке, но у её родителей не было денег на покупку пианино. Зато теперь, когда денег у них вполне достаточно, они обязательно добьются, чтобы их дочь сделалась музыкантшей.

Напрасно их уверяли знакомые, что у каждого ребёнка талант к чему-нибудь своему и что к шитью одежды тоже надо иметь талант: если же одежду начнёт шить каждый, то она выйдет такая, что совестно будет на улицу показаться. Ни папа, ни мама этому почему-то не верили и не хотели даже слышать, чтобы их дочь пошла работать на одёжную фабрику.

Однако у Наденьки на самом деле не было способностей к музыке, а учиться музыке тому, у кого нет способностей к ней, гораздо труднее, чем тому, у кого эти способности есть. Вернувшись из музыкальной школы, Наденька минуты две или три брэнчала на пианино заданное на дом упражнение, но скоро ей это надоело, и она садилась шить какой-нибудь своей кукле новое платье или убегала гулять во двор. Иногда она и вовсе не подходила к своему музыкальному инструменту, а когда мама возвращалась домой с работы и спрашивала, занималась ли она музыкой, Наденька отвечала, что уже позанималась, и садилась делать уроки по арифметике, русскому языку или каким-нибудь другим предметам. Так всё шло хорошо сначала, но потом маму вызвала к себе учительница музыкальной школы и довольно строго сказала:

– Ваша девочка очень плохо учится музыке, потому что мало занимается дома. Каждое заданное на дом упражнение надо играть ежедневно по два часа. Без этого пальцы у вашей девочки не разовьются, и её придётся забрать из музыкальной школы. Имейте это в виду.

– У меня нет возможности ежедневно проверять Наденьку, – ответила мать. – Она занимается музыкой днём, когда я ухожу на работу, а вечером, когда я возвращаюсь, она учит уроки.

– А вы сделайте наоборот, – посоветовала учительница. – Пусть Наденька готовит уроки днём, а на пианино пусть занимается вечером, чтобы вы слышали.

Мама послушала учительницу и попробовала заставить Наденьку играть на пианино вечером, но такая система, однако, не понравилась папе, и он сказал:

– Что это за новая мода пошла: каждый раз вечером музыка! Почему Наденька не может играть свои упражнения днём, когда все работают уходят? Тут вертись на работе весь день, вечером отдохнуть хочется, а вместо этого изволь упражнения слушать!

– Это, конечно, верно, – согласилась мама, – но как её днём проверишь? На неё и так учительница жалуется.

– Что ж, об этом необходимо подумать, – ответил отец.

А нужно сказать, что у них кроме Наденьки был ещё мальчик. Он был маленький и ещё не учился в школе. Ему было шесть лет.

И вот папа сказал:

– Слушай, Алёша...

(Его тоже Алёшей звали, как того воробья, про которого у нас был разговор. То есть по-настоящему-то воробья звали Алёша Попович, а мальчика – просто Алёша.)

– Слушай, Алёша, – сказал, значит, папа. – Ты мальчик уже большой и тоже должен помогать взрослым. Будешь следить, чтобы Наденька исправно занималась на пианино.

И он научил Алёшу, как следить за стрелками часов, чтобы получалось ровно два часа.

Каждый раз, приходя вечером с работы, папа спрашивал:

– Ну-ка, скажи, Алёшенька, сколько сегодня занималась на пианино Наденька?

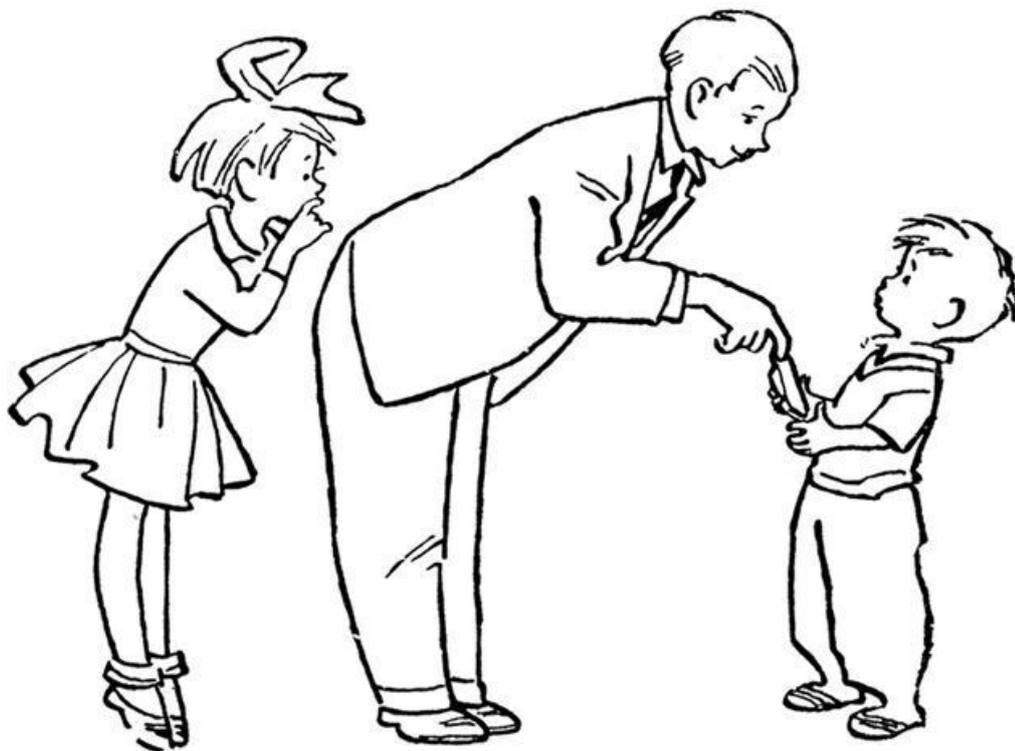
– Два часа, – отвечал Алёша.

– Молодец! – хвалил его папа.

И давал ему большую конфету. Наденьке он тоже давал конфету за то, что она усидчиво занималась музыкой. Папа, конечно, ничего не терял, так как он и раньше покупал своим детям конфеты, но раньше он отдавал им конфеты даром, а теперь за дело.

Так у них и пошло с тех пор. Наденька даже побледнела немного от усиленных занятий музыкой. Ей ведь некогда даже было побегать во дворе с подругами: утром в школу иди, днём на пианино играй, вечером делай уроки, да ещё ведь ей надо было немножко помогать по хозяйству маме. Где уж тут бегать!

Неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы Наденька не начала усиленно думать, как найти из этого положения хоть какой-нибудь выход. Подумав как следует, она придумала такую вещь: получив от папы вечером конфету, она не съела её, а спрятала под подушку. На следующий день, вернувшись из школы, она сказала своему братцу:



– Хочешь, Лёшка, я не буду сегодня на пианино играть, а мы пойдём во дворе погуляем. За это я тебе дам конфету.

– Не хочу, – ответил Алёшка.

– Почему, глупый?

– Потому что, если ты не будешь играть на пианино, мне папа вечером не даст конфету.

– Вот и видно, что глупый! Как же папа может не дать тебе конфету, если ты ему скажешь, что я играла?

Алёша подумал и согласился. Наденька отдала ему конфету, он съел, а потом они пошли во двор и гуляли до вечера. А когда вечером пришёл папа и спросил, занималась ли Надя сегодня музыкой, Алёша, по обыкновению, сказал:

– Два часа.

Папа дал им, как всегда, по конфете. Алёша свою съел тут же, а Наденька и на этот раз спрятала.

На следующий день повторилась та же история. Алёша быстро сообразил, что гораздо интереснее съесть не одну, а две конфеты и в добавление к этому гулять с сестрой во дворе, вместо того чтобы сидеть дома и слушать скучную музыку.

Так прошёл целый месяц, а может быть, даже больше.

У Наденьки снова заиграл на щеках румянец, улучшился аппетит. И всё было бы хорошо, если бы ей не становилось всё труднее отказываться от конфет. Бедная девочка за это время забыла, какие бывают на вкус конфеты.

Один раз она даже не удержалась и отгрызла от конфеты кусочек. А на другой день Алёшка устроил ей за это скандал и сказал, что он за полконфеты не согласен обманывать папу, а согласен только за целую. Насилу Наденька уговорила его молчать и обещала, что никогда больше не станет откусывать от его конфеты ни кусочка.

После этого случая Наденька крепилась несколько дней подряд, но однажды ночью, когда все уже спали, она достала из-под подушки припрятанную для Алёшки конфету и съела её.

Бедная девочка действовала как будто во сне и даже не понимала, что делала, до такой степени ей захотелось сладкого. На другой день она не знала, как быть, и, когда братишка потребовал у неё конфету, сказала, что потеряла её.

Алёша, который никак не ожидал такого ответа, даже не понял сразу, какая страшная произошла вещь, а когда наконец понял, то разинул от удивления рот. Постепенно он, однако, пришёл в себя и спросил:

– Где же ты её потеряла?

– Глупый, – сказала Наденька, – если бы я знала, где потеряла, то сейчас же нашла бы.

– Так её искать надо! – заявил Алёша.

Он никак не мог примириться с мыслью, что останется на этот раз без конфеты, и они вместе принялись бродить по комнатам, заглядывая во все уголки. Наденька понимала, что никакой конфеты найти, конечно, не может, но искала для виду, чтобы братишка не заподозрил её в обмане. Алёша, наоборот, отнёсся к делу вполне серьёзно. Он старательно ползал на четвереньках по полу, шарил палкой под шкафами и под буфетом, залезал под столы и кровати, наконец стал обыскивать Наденькину постель и нашёл у неё под подушкой бумажку от конфеты. Некоторое время он молча стоял с бумажкой в руке и как будто что-то соображал, потом подскочил к сестре и закричал визгливым голосом:

– Это что, а? Это что?

– Как – что? Будто не видишь? Бумажка.

– Сам вижу, что бумажка. А от чего бумажка? От конфеты! Значит, ты конфетину сама съела, а бумажка осталась мне!

– Глупый! – ответила Наденька. – Это бумажка совсем не от той конфеты.

– От какой ещё – не от той? Думаешь, я не знаю! Я вчера не спал вечером и слышал, как ты там во сне что-то жевала. Я тогда ещё подумал, что это ты уже, наверно, мою конфету ешь.

– Какую такую твою конфету? – рассердилась Наденька. – Конфета моя! Хочу – даю тебе, не хочу – ем сама.

– Ну и ешь сама, а я больше не буду обманывать папу. Вот скажу сегодня, что ты не играла на пианино.

– А я вот нарочно буду играть, попробуй тогда скажи, что я не играла.

Наденька села за пианино и целых два часа подряд играла свои упражнения. Под конец у неё даже голова закружилась от непривычки. Однако она и виду не подала, что ей было трудно, и, встав из-за пианино, сказала:

– Теперь каждый день буду играть и конфеты сама буду есть.

Алёша увидел, что здорово прогадал, и у него даже затряслись губы от огорчения.

– Зачем же играть каждый день? – сказал он. – Завтра можно и не играть, а за сегодня я, так и быть, прощаю тебя.

– Что-что? – с удивлением спросила Наденька. – За что ты меня прощаешь?

– Ну за то, что ты съела конфету, – объяснил Алёшка.

– Ты, видимо, дурачок, Алёшка, – с обидной усмешкой сказала Наденька. – Свою конфету я всегда имею право съесть без твоего ослиного разрешения. Глупая я раньше была, что отдавала тебе такие вкусненькие конфетки. Теперь вот и завтра съем, и послезавтра, и после послезавтра, и всегда-всегда! Понял?

– Ну и ешь, – мрачно ответил Алёша. – Мне не очень и хочется!

– «Не очень хочется!» – передразнила Наденька. – А сам тут как царь Кощей над каждой конфетой трясешься!

– Кто царь Кощей? Я царь Кощей? – закричал, рассердившись, Алёшка.

И как стукнет сестру кулаком.

– А, так ты ещё драться! – сказала Наденька и, схватив Алёшку за волосы, дёрнула с такой силой, что у него из глаз искры посыпались.

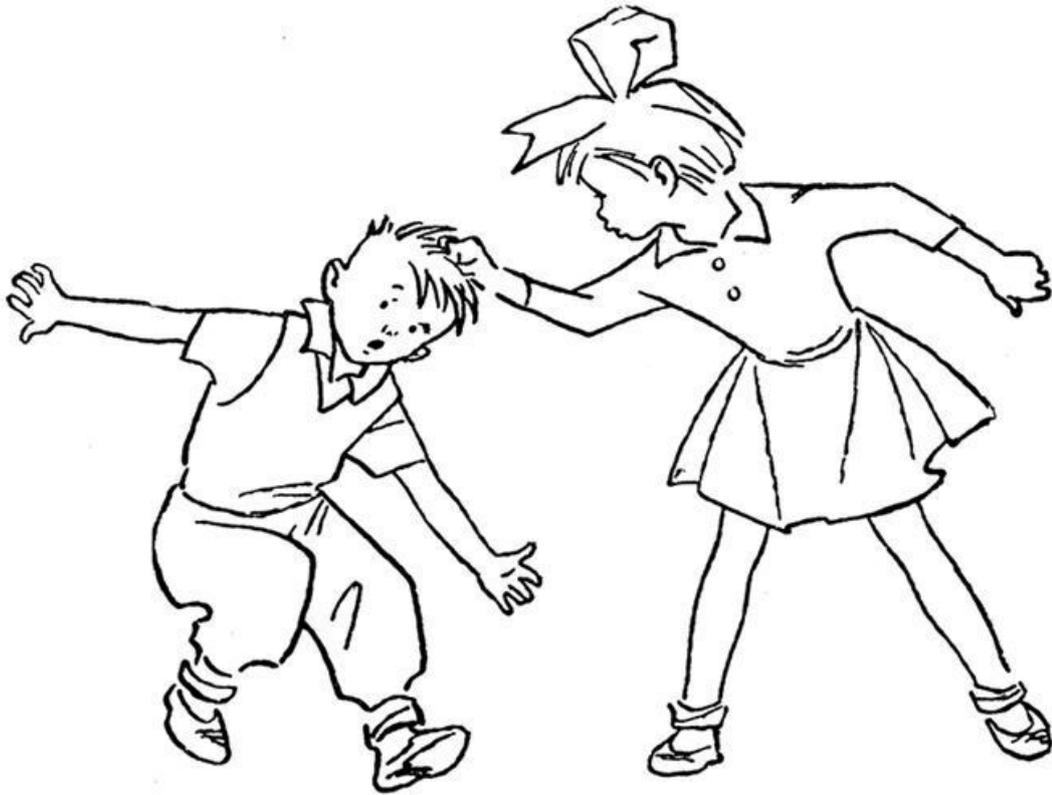
– А-а! – завопил Алёшка и принялся размахивать во все стороны кулаками и лягаться ногами.

Но Наденька крепко держала его за волосы, и он ничего не мог ей сделать.

Как раз в это время с работы вернулся папа. Наденька услышала, что кто-то вошёл в прихожую, и выпустила из рук Алёшкины волосы.

– Вот скажу папе, что ты съела конфету! – прошипел Алёшка, грозя сестре кулаком.

– Как будто папа дал мне эту конфету не для того, чтобы я её съела, – сказала Наденька. – У, глупый!



- Вот скажу, что всё время называешь меня глупым.
- Как же тебя называть, если ты и есть глупый?
- Вот скажу папе, что ты не занималась сегодня на пианино.
- Не смей, слышишь! Я ведь занималась! Ах ты!..

Наденька не успела договорить, потому что в комнату вошёл папа.

- Ну, механики, как дела? – весело спросил он.

Когда у папы бывает хорошее настроение, он почему-то всегда своих детей механиками называет. Увидев, что дети почему-то молчат и сердито смотрят на него исподлобья, папа удивился и спросил:

- Что тут у вас случилось?
- Ничего, – ответила Наденька.
- Совсем-совсем ничего?
- Совсем-совсем ничего.
- Что-то не верится! – покачал головой папа. – А ты почему сегодня такой лохматый? –

спросил он Алёшу.

Алёша принялся приглаживать рукой всклокоченные волосы и сердито нахмурился. Вся кожа у него на голове свербила.

Папа схватил обоих ребят в охапку и сел с ними на диван.

- Ну, рассказывайте, что хорошенького?
- Ничего, – сердито буркнул Алёша, усаживаясь у отца на коленях.
- Как же так – ничего? А Наденька занималась сегодня на пианино? Сколько она играла?
- Нисколько, – буркнул опять Алёшка.
- Эге! Вот оно, значит, что!.. – протянул папа и сердито взглянул на Наденьку.

От возмущения Наденька вспыхнула, потом немножечко побледнела, тут же раскрыла широко рот, словно ей не хватало воздуха, и сказала дрожащим голосом:

– Он говорит неправду!

– Это правда? – строго спросил Алёшу папа.

– Что – правда? – не понял Алёша.

– Правда, что ты говоришь неправду?

– Это она говорит неправду.

– Он врёт! – сказала, задыхаясь от гнева, Наденька.

– Вот как! – недоверчиво усмехнулся папа. – Для чего же ему вдруг понадобилось врать?

Когда ты занималась исправно, он всегда говорил, что ты занималась. Вот тебе, Алёша, конфетка за то, что сказал папе правду. А ты, нехорошая девочка, ничего теперь не получишь! Лучше я и твою конфету отдам Алёше. Получай, Алёшенька, и вторую конфету.

Увидев такую несправедливость, Наденька побледнела ещё больше, стала белая как бумага, потом покраснела внезапно, бросилась плашмя на диван и зарыдала так громко, что у папы от ужаса зашевелились на голове волосы.

В это время дверь отворилась – и в комнату вошла мама. Папа принялся рассказывать ей обо всём. Мама даже не могла сразу понять, что случилось, а когда поняла, сказала:

– Может быть, Алёшка на самом деле соврал? Уж очень горько рыдает Наденька.

– Признаться, я тоже так думал, – ответил папа, – да ведь Алёша никогда раньше не врал.

Он всегда говорил правду.

– Не врал? – закричала, вскакивая с дивана, Наденька. – Никогда раньше не врал? Если хотите знать, он всегда врал! Он только и делал, что врал! Я нарочно каждый раз отдавала ему свои конфеты, и он говорил вам, что я занимаюсь на пианино, а я и не занималась вовсе. Ха! Ха! Но сегодня я как раз занималась и конфету ему не дала, вот он и врёт на меня от злости. Это, что ли, по-вашему, правильно? Раз я занималась, то никакой конфеты ему не полагается. Пусть он зарубит это у себя на носу! Понятно вам?

– А-а! – закричал тогда папа. – Значит, ты, нехорошая девчонка, не занималась на пианино, да ещё учила своего младшего братца обманывать родителей, подкупала его конфетами? Это стыд! Это срам! Это позор! Ты бы подумала, чему учишь его! При таком воспитании из него может вырасти какой-нибудь тунеядец и плут!

А мама сказала папе:

– Ты сам во всём виноват. Нашёл кому поручать присматривать за девчонкой. Он тебе за конфету что хочешь сделает: обманет и мать и отца. Из-за него бедная девочка совсем без конфет осталась, а сладкое тоже для организма нужно.

Наденька услышала эти слова, и ей стало так жалко себя, так жалко, что она зарыдала с удвоенной силой. Но мама сказала:

– А ты молчи! Я не защищаю тебя. Ты, наверно, воображаешь, что тебя напрасно обидели: не дали сегодня конфетку. А сколько раз ты не играла на пианино, но конфеты всё-таки получала?

Наденька сразу притихла, а Алёша увидел, какое получается дело, и давай поскорей есть конфеты, чтобы не отняли обратно. Не успев съесть одну конфету, он запихал в рот другую и стоял с оттопыренной щекой, как будто у него вырос с этой стороны флюс.

– Поручать это дело Алёшке мы больше не станем. Теперь я сама буду за тобой следить, – сказала Наденьке мама. – Но поскольку вечером играть нельзя, а днём я на работе, придётся тебе вставать на два часа раньше и заниматься с утра.

Необходимо сказать, что весь этот разговор происходил очень громко и прекрасно был слышен Золотому Петушку, то есть нашему знакомому воробью, который на чердаке жил (вот когда мы про него вспомнили). Услышав это, Золотой Петушок даже не удивился, потому что за всю свою воробьиную жизнь наслушался всяких историй. Он только подумал:

«Вот ещё какие, оказывается, бывают истории!»

Вскоре он и вовсе перестал думать об этом, так как не понимал в тот момент, чем это всё может для него кончиться.

И вот на другой день, под самое утро, когда спится особенно сладко, воробья разбудили какие-то непонятные звуки:

Бом-тили-тили! Бом-тили-тили!
Тиль-диль-дон! Тиль-диль-дон!

Воробей встрепенулся от неожиданности, открыл широко глаза, но, ничего не видя вокруг, так как было ещё совсем темно, решил, что это ему во сне почудилось; закрыв глаза, он попытался заснуть, но звуки не утихали:

Тиль-диль-дон! Бом-тили-бом!

Как будто палкой по голове!



Воробей сердито поёжился, заморгал глазами и принялся соображать, что бы всё это могло значить. Сон окончательно слетел с него, и воробей наконец понял, что играют на пианино.

Увидев в окно, что небо совсем ещё тёмное и на нём кое-где поблёскивают звёздочки, Золотой Петушок проворчал:

– Что это они там совсем с ума посходили – играть среди ночи!

Он нахохлился, состроив обиженную физиономию, переступил с лапы на лапу и стал пытаться заснуть, не обращая внимания на музыку. Это ему, однако ж, никак не удавалось. Звуки пианино доносились так явственно, что бедному воробью казалось, будто играют не снизу, а сверху, прямо над его головой. Постепенно ему даже стало казаться, что звуки раздаются не над головой, а где-то там, внутри головы.

Золотой Петушок крикнул с досады и тряхнул как следует головой. Однако звуки из головы не выскочили и продолжали долбить по мозгам:

Тиль-диль-дон! Тиль-диль-дон!
Вот тебе! Вот!

Через некоторое время небо стало светлеть, звёзды постепенно погасли, и воробей увидел, что уже было утро, а вовсе не ночь, как ему показалось сначала.

Прошло два часа, и музыка наконец прекратилась. Золотой Петушок облегчённо вздохнул, но, увидев, что на дворе окончательно рассвело, решил, что спать всё равно больше нельзя, так как уже была пора вылетать за кормом.

На другой день воробья опять разбудила музыка, на третий – тоже. На четвёртый день он уже с вечера думал о том, что его на рассвете разбудит музыка, и так нервничал, что не мог заснуть. Всю ночь он сидел у себя в застрехе и сонно моргал глазами, ожидая, что вот-вот грянет музыка, а когда наконец заснул, музыка загремела, и ему даже под утро не удалось вздремнуть.

Несколько ночей подряд Золотой Петушок почти вовсе не спал, то есть не то чтобы он вовсе не спал: воробей ведь не может так, чтобы совсем не спать. Конечно, он спал, но спал, нужно сказать, очень тревожно, поминутно просыпаясь и вздрагивая во сне; под утро же его на два часа раньше, чем нужно было, будила музыка.

Таким образом, вместо того чтобы спать восемь часов подряд, наш воробей спал всего шесть часов. Воробью же, как установила наука, положено спать ночью не меньше восьми часов. Иначе это может для него плохо кончиться.

Неизвестно, чем бы всё это для Золотого Петушка кончилось, если бы Наденька вдруг не заболела. Потом она, правда, выздоровела, но потом заболела снова. Она вообще была не очень крепкого здоровья. Когда Наденька болела, воробей радовался и наслаждался жизнью, но, когда она выздоравливала, он проклинал своё существование и становился злой как сорок тысяч чертей.

От злости он вообще стал очень нервный и раздражительный.

А впрочем, если сказать по правде, то нашему Золотому Петушку приходилось ещё не так скверно, как одному жильцу, Прохору Семёновичу Индюченко, который жил в соседней квартире. Его комната находилась рядом с той комнатой, где стояло Наденькино пианино, и поэтому ему всегда было хорошо слышно, когда Наденька играла свои упражнения. Этот Прохор Семёнович Индюченко был старенький, седенький старичок с жиденькой козлиной бородкой, причём очень худой и больной ревматизмом.

Как известно, ревматизм – болезнь очень коварная. Она то отпустит больного, даст ему подышать чуточку, то вдруг схватит, точно клещами, и давай ломать кости. В такие дни бедный Прохор Семёнович готов был кричать от боли.

И он кричал бы, если бы не опасался потревожить соседей, но так как он был человек очень деликатный, внимательный к другим людям, то терпел свою боль молча, только слегка покряхтывал и старался лежать не двигаясь, чтобы не раздражать ноющие суставы.

Чаще всего ревматизм донимал Прохора Семёновича с вечера и мучил всю ночь, не давая заснуть ни на минуту. Но как только приближалось утро, боль в костях утихала.

Прохор Семёнович с облегчением вздыхал, готовясь наконец поспать хоть с полчаса, но тут Наденька начинала играть свои упражнения, и уснуть снова было нельзя. Увидев, что о сне уже нечего и думать, бедный больной Прохор Семёнович надевал на ноги свои шлёпанцы и отправлялся на кухню, чтобы согреть для себя кофе. Прохор Семёнович был старый холостяк, то есть он никогда не был женат, а старые холостяки, как известно, почему-то всегда любят кофе.

Квартира, в которой жил Прохор Семёнович, была большая, и поэтому, когда он являлся на кухню, там уже был кто-нибудь из хозяек. Увидев Прохора Семёновича, они обычно затевали с ним разговор.

– А, Прохор Семёнович! С добрым утречком! – начинала соседка, которую звали Софья Михайловна. – Что-то вы сегодня раненько поднялись?

– Должно быть, бессонница, – тут же подхватывала другая соседка, по имени Людмила Дмитриевна.

– Бессонница, Людмила Дмитриевна, бессонница, – с грустным вздохом соглашался Прохор Семёнович. – Всю ночь ни на минуту не сомкнул глаз, представьте себе. Всё из-за ревматизма, будь он неладен!

– Ну конечно, конечно, от ревматизма, – сочувственно кивала головой Софья Михайловна. – Да, может, вы просто выспались за день. Вчера вас к телефону просили, так я насилу к вам достучалась в дверь.

– Это точно, вчера я задремал днём, да всё потому, что опять-таки ночью не спал. Сначала ревматизм, а потом опять эта музыка – будь она неладна! – совсем не дала заснуть. Надо будет управдому сказать.

– Что же вы ему скажете? – махнула рукой Софья Михайловна. – Если бы девочка шалила, нарочно шум поднимала, то, конечно, другой разговор, но она ведь учится. Разве может управдом запретить учиться?

– Запрещать и не нужно, но зачем же играть спозаранку, когда люди спят! – проворчал Прохор Семёнович. – Да ладно уж! Всё равно, видать, ничего не поделаешь!

– Почему ничего не поделаешь? Можете обменять жилплощадь, – сказала Софья Михайловна.

– Как же так – обменять? Это просто сказать, Софья Михайловна. Я уж тут и к соседям привык.

– И к новым привыкнете.

– Так-то так, – покачал головой Прохор Семёнович и ничего не сказал больше.

Сначала он и думать не хотел об обмене жилплощади, но всё-таки иногда вспоминал о том, что ему сказали соседки. И вот в один прекрасный день Прохор Семёнович исчез из своей комнаты, а вместо него появился новый жилец, Геннадий Варсонофьевич, по фамилии Моржов, с которым Прохор Семёнович обменялся жилплощадью.

Этот Геннадий Варсонофьевич Моржов был такой же одинокий человек, как и Прохор Семёнович, только гораздо выше ростом и гораздо толще его. Он был крепенький, краснощёкенький и очень здоровый на вид. У него были светлые рыжеватые усики и толстый, тугой, увесистый нос с красноватым отливом. Его небольшие, неопределённого цвета глазки глядели на всех добродушно и даже приветливо. Голос у него был бас, и говорил он так громко, что издали казалось, будто трубит самая большая труба в самом большом оркестре. Смеялся он тоже громко, отрывисто: «Хах-ха!» – так что все от неожиданности вздрагивали, а чихал он и кашлял с такой страшной силой, что в доме перегорали электрические пробки, во всех комнатах гасли лампочки, а в окнах звенели стёкла, и притом он курил крепкие папироски.

В отличие от Прохора Семёновича Геннадий Варсонофьевич любил слушать радио и, как только расставил в своей комнате мебель, сейчас же включил радиорепродуктор и пошёл на кухню знакомиться с соседями.

– Я такой человек, – говорил он им, – я терпеть не могу тишины и больше всего на свете люблю слушать радио. Как только я приезжаю куда-нибудь, например на курорт или в дом отдыха, я сейчас же отыскиваю, где включается радио, и включаю его так, чтобы всем было слышно. Если кто-нибудь выключит, я тут же включаю снова. Его опять выключат, а я обратно включу. В конце концов всем надоест выключать, и радио работает без передышки весь день, с

утра и до вечера. А мне только этого и надо. Да и остальным хорошо, не так скучно, не правда ли? Хах-ха!

И он засмеялся так громко, что все вздрогнули, а одна хозяйка даже выронила из рук кастрюлю, которую собиралась поставить как раз в этот момент на плиту.

На другой день Геннадий Варсонофьевич Моржов проснулся ни свет ни заря и тут же включил радиорепродуктор на полную мощность. Сила звука была так велика, что музыка проникла не только в соседние комнаты, но и в прихожую, и в коридор, и в ванную, и на кухню. Поэтому, пока Моржов курил свои папироски в прихожей, умывался и чистил зубы в ванной, жарил себе на кухне яичницу, он всё время слушал радио и был очень доволен.

Однако остальным жильцам это не очень понравилось, потому что некоторым хотелось ещё поспать, а какой уж тут может быть сон, если такие звуки! Один жилец, Виталий Сергеевич Холодецкий, который работал на заводе инженером-конструктором, даже высунулся в коридор и, увидев Моржова, сказал:

– Что это вы, соседушка, затеяли слушать радио спозаранку? Люди ведь спят ещё.

– Ничего, – хладнокровно ответил Моржов, – будем вставать уже.

– Да я, может быть, не хочу так рано вставать! Вы бы хоть дверь в свою комнату закрыли!

– А мне, может быть, удобнее, когда дверь открыта!

– А мне, может быть, было бы удобнее взять вашу сковородку да поставить вам на голову! – рассердился Холодецкий.

– А вот это было бы мне уже неудобно, – сухо сказал Геннадий Варсонофьевич и скрылся у себя в комнате вместе со сковородкой, на которой шипела яичница.

Виталий Сергеевич постоял в коридоре, но, убедившись, что Геннадий Варсонофьевич не думает выключать радио, пожал плечами и лёг обратно в постель. Конечно, в тот день ему уже больше не удалось по-спать.

Вскоре соседи заметили, что этот осёл, то есть не этот осёл, прошу прощения, а этот человек, вёл себя очень странно. Он никогда ничего не читал: ни газет, ни журналов, ни книг, не ходил ни в кино, ни в театр, ни в музеи, ни в картинные галереи, а только и делал, что слушал радио. Причём по радио он слушал всё: и последние известия, и урок гимнастики, хотя сам гимнастикой не занимался, и детскую передачу, и передачу для женщин. Как оказалось впоследствии, Геннадий Варсонофьевич даже на ночь не выключал репродуктор, и, как только утром радиостанция начинала работать, по всему дому неслись громкие звуки, которые поднимали жильцов с постелей.

– Вы бы хоть на минутку давали отдохнуть своему репродуктору, – говорила Геннадию Варсонофьевичу Людмила Дмитриевна.

– А пусть себе, – добродушно отвечал Геннадий Варсонофьевич. – Кому он мешает? Пусть поговорит, а мы послушаем.

– Так нельзя ли хоть чуточку тише? – просили жильцы.

– Отчего же нельзя! Тише можно, – соглашался Геннадий Варсонофьевич.

Он и на самом деле поворачивал регулятор громкости, чтобы было потише, но через минуту громкоговоритель снова работал на полную мощность. Жильцы были в отчаянии и только разводили руками, не зная, что предпринять, а Виталий Сергеевич выходил из себя и говорил:

– Честное слово, мне немоготу больше! Я взялся рассчитать дома для завода одну конструкцию и никак не могу сосредоточиться из-за этого репродуктора. Вот увидите, я пойду к управдому жаловаться.

Однажды, когда его терпение окончательно лопнуло, он действительно помчался в домоуправление. Там как раз в это время уже был один из жильцов. Он хотел приобрести в магазине в рассрочку мебель и пришёл к секретарше за справкой.

Увидев управдома, который сидел за столом у окна, Виталий Сергеевич спросил:

– Товарищ управдом, скажите, пожалуйста, можно шуметь у себя в комнате на всю квартиру и мешать людям спать с шести часов утра?

– Зачем же это вам вдруг понадобилось шуметь на всю квартиру, да ещё с шести утра? – удивился управдом.

– Вы лучше подождите немного, – пошутил жилец, который пришёл за справкой. – Вот построят при коммунизме для всех дома со стенами пятиметровой толщины, тогда и шумите себе на здоровье.

– Научиться внимательно относиться друг к другу гораздо легче, чем делать пятиметровые стены, – откликнулась секретарша. – Я думаю, что при коммунизме у нас все будут сознательными, никто не станет шуметь, и ваши пятиметровые стены никому не понадобятся. А вы, гражданин, постеснялись бы шуметь, – обратилась она к Виталию Сергеевичу.

– Да разве это я шумлю? – удивился Виталий Сергеевич.

– Кто же у вас шумит в таком случае? – спросил управдом.

– Шумит наш новый жилец Геннадий Варсонофьевич, Моржов по фамилии.

– Как же он там шумит, этот ваш Моржов?

– Радио включает в неположенные часы. Прямо никакого спасения нет!

– А вы говорили ему, что так делать нельзя?

– Говорили, да он ничего слушать не хочет. Говорит: мне так удобнее!

– «Удобнее!» – с горькой усмешкой сказал управдом. – Сегодня ему удобнее шуметь на всю квартиру, не считаясь с людьми, а завтра станет удобнее взять чужую вещь или обокрасть ювелирный магазин. С этого «удобнее» всё зло и начинается. Вы не смейтесь, – сказал он, заметив на лице секретарши улыбку.

– Я не смеюсь, – ответила секретарша. – Я как раз уверена, что всё нехорошее начинается с неуважения к людям, от невнимания к ним, от недостатка чуткости.

– Ну хорошо, – сказал управдом, обращаясь к Виталию Сергеевичу. – Я зайду к этому вашему Моржову, поговорю с ним.

В тот же вечер он на самом деле зашёл к Моржову. Поздоровавшись с хозяином и покосившись на стоявший в углу комнаты на небольшом столике репродуктор, из которого вырывались бодрые звуки марша, управдом стащил с головы шапку и приветливо сказал:

– Ну как устроились, Геннадий Варсонофьевич? Поздравляю вас с новосельем!

– Спасибо, устроился хорошо, – пробасил Моржов, улыбаясь во весь рот и разглаживая рукой усы, отчего его глаза приняли какое-то хитроватое выражение.

– Что ж, я вижу, что хорошо, – ответил управдом, оглядываясь по сторонам.

– Что вы сказали? – спросил, не расслышав, Моржов.

– Вижу, что хорошо! – закричал управдом, стараясь заглушить радио.

– А-а, – понимающе протянул Моржов и прокричал в ответ: – Садитесь, будьте как дома!

Управдом присел на диван, положил на колени портфель и шапку и, снова покосившись на репродуктор, спросил:

– Что это, Геннадий Варсонофьевич, радио у вас всегда так громко играет?

– Что? – опять не расслышал Моржов.

– Радио, говорю, всегда так громко играет?! – закричал управдом изо всех сил.

– Всегда! – закричал Моржов. – То есть нет, нет, не всегда! – замахал он руками. – Иногда только!

– Так нельзя ли выключить на минутку?

– Что? – Моржов приложил к уху руку, чтобы лучше слышать.

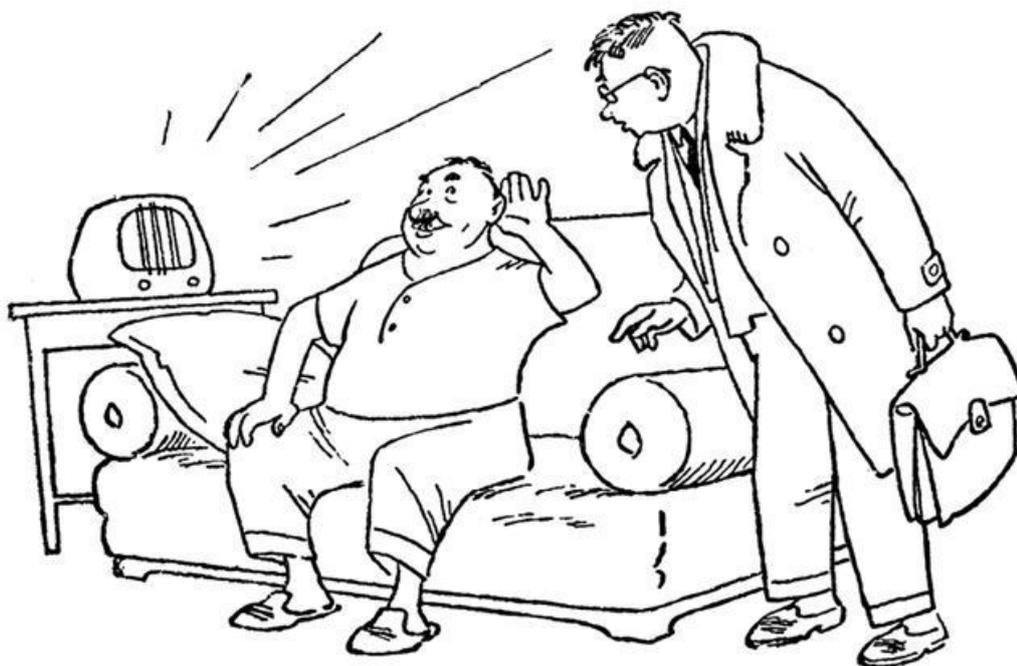
– Вы-клю-чить на ми-нут-ку! – закричал управдом прямо ему в ухо.

– Ах, выключить! – улыбнулся Геннадий Варсонофьевич. – Зачем же его выключать?

Можно сделать потише.

Он отрегулировал громкоговоритель, и музыка стала тише.

- Ну вот, – облегчённо вздохнул управдом, – а то ведь даже себя не слышишь!
– Как вы сказали? Себя не слышишь? Хах-ха-а!



Моржов захохотал так громко, что в соседней комнате заплакал от испуга ребёнок, а управдом от неожиданности вздрогнул и даже забыл на минуту, зачем пришёл. Постепенно он, однако, опомнился и сказал:

- Мне тут, голубчик, соседи жаловались, что вы включаете радио в неположенные часы.
– А разве нельзя?
– Почему же нельзя, голубчик? Можно! Но зачем же так громко?
– Так я же не громко.
– Где же не громко! – возразил управдом. – Вот я к вам из домоуправления шёл, так, поверите ли, на улице слышно.

– Что вы говорите? – удивился Моржов. – На улице слышно? А-хах-ха!

Он схватился руками за живот и захохотал так, что управдом от испуга оторопел и уронил на пол портфель и шапку.

– Ну, не буду, дорогой, больше не буду, – сказал Геннадий Варсонофьевич, бросаясь поднимать с пола портфель и шапку. – Буду теперь играть потихонечку.

Он сунул в руки ошалевшему управдому портфель, нахлобучил ему на голову шапку и выпроводил его из комнаты.

– Теперь всё хорошо будет, – сказал он, открывая перед управдомом входную дверь и слегка подталкивая его в спину. – Так вы говорите – на улице слышно? А-хах-ха-а!

Моржов заржал с такой силой, что у бедного управдома потемнело в глазах, и он стал спускаться по лестнице, спотыкаясь на каждой ступеньке и хватаясь руками за стены.

Как только управдом ушёл, Моржов снова повернул регулятор громкости, и музыка опять загремела в полную силу.

На другой день Виталий Сергеевич опять было побежал жаловаться управдому, но тот сказал:

– Делайте что хотите, но я больше не пойду разговаривать с этим вашим Моржом. Уж очень нехорошо он смеётся. У меня до сих пор мурашки по спине ходят, как только я вспомню этот его дьявольский смех. Видать, этого Моржова не учили в детстве родители, что нужно уважительно относиться к людям, а теперь его перевоспитать трудно.

Вот когда пожалели соседки, что посоветовали бывшему жильцу Прохору Семёновичу обменять свою комнату! Если бы у них остался жить этот безобидный больной старичок, они бы и горя не знали. Убедившись, что теперь уже всё равно ничего поделать нельзя, они кончили тем, что поссорились с Геннадием Варсонофьевичем и перестали с ним разговаривать.

Однако на этом деле пострадали не только соседи, но и наш воробей, который на чердаке жил. Услышав впервые звуки громкоговорителя, Золотой Петушок даже не огорчился.

– Ну и что ж тут такого? – сказал рассудительно он. – Всё равно Наденька начинает играть спозаранку, а немного больше музыки или немного меньше, какая разница!

Он не учёл в первый момент, что Наденька иногда болела и нет-нет да и давала отдых его бедным, многострадальным ушам. Геннадий же Варсонофьевич Моржов был, как уже сказано, мужчина богатырского телосложения и никогда ничем не болел, разве что кашлем. Как только наш Золотой Петушок убедился, что перерывов в утренней работе радиорепродуктора не предвидится, он принялся страшно возмущаться и хотел даже заявление в домоуправление написать, да так и не собрался, потому что вскорости заболел.

Да, да, заболел! И болезнь к нему привязалась какая-то странная, такая, что даже не поймёшь, что за болезнь – не то кашлять хочется, не то чихать, грудь как-то теснит и ничего делать не хочется: не хочется спать, не хочется есть, ни о чём думать не хочется, летать тоже не хочется, потому что крылышками махать лень. Со временем он даже отвык разыскивать для себя еду, а только смотрел: куда остальные воробьи летят, туда и он. Так только и не погиб с голоду.

Весной, когда засияло на небе солнышко, Золотой Петушок было встрепенулся и приободрился. Какое-то радостное чувство, которого он давно уже не испытывал, заиграло в его груди, и он подумал, что жить всё-таки хорошо, несмотря ни на что. Он вспомнил, что пора уже строить гнёздышко, чтобы вывести маленьких птенчиков, как обычно делали все воробьи весной. Вся болезнь как бы соскочила с него, и он почувствовал себя по-прежнему бодрым, здоровым, сильным.

Облюбовав для своего гнезда уютное местечко в застрехе, Золотой Петушок с радостной песней полетел за строительным материалом, то есть за различными прутиками, соломинками, пёрышками, пушинками, из которых воробьи любят сооружать свои гнёзда. И сразу ему посчастливилось. Где-то среди двора он подхватил большой комок мягкой, пушистой, белой, как весеннее облачко, ваты и, взвившись кверху, потащил её к своему гнезду, но коварный весенний ветер выхватил вату прямо из его клюва.

Не успел Золотой Петушок сообразить, что, собственно говоря, произошло, как из-под карниза дома выпорхнул другой воробей, подхватил на лету комок ваты и улетел с ним.

Золотой Петушок был так расстроен своей неудачей, что не полетел за новым строительным материалом, а спрятался у себя в застрехе и от огорчения даже на белый свет не хотел смотреть. Досада душила его с такой страшной силой, что стало трудно дышать.

«Это что же творится такое? – думал Золотой Петушок. – Уже прямо изо рта строительный материал выхватывают! Где же справедливость на свете?»

В этот день он уже не вылезал из-под крыши, не ел ничего, не пил и почувствовал такую слабость, что глазки его сами собой закрывались, а головка свешивалась набок.

Бедный воробей даже не подозревал, что уже давно тяжело болеет, и если бы не прослушал случайно в тот же вечер по радио лекцию одного учёного профессора, то так бы, наверно, и не выздоровел никогда.

Эта лекция, как ни странно на первый взгляд, была о значении гимнастики или простого физического труда для человеческого здоровья. Профессор рассказывал, какое огромное значение для нашего организма имеют нормальный сон, правильное питание и занятие физическим трудом или хотя бы гимнастикой.

Мы часто не обращаем внимания, говорил профессор, на потерю аппетита, бессонницу, недомогание, скверное настроение, забывая, что всё это – признаки заболевания нервной системы, которая управляет всем нашим телом и поэтому имеет огромное значение для здоровья каждого из нас. Для лечения нервной системы необходимо наладить нормальный сон, который даст отдых нервной системе, и восстановить аппетит, а для налаживания сна и аппетита лучшее средство – заниматься гимнастикой, сказал профессор и объяснил, как нужно делать простейшие гимнастические упражнения.

Прослушав лекцию, Золотой Петушок понял, что его недомогание – не просто дурь или какая-нибудь блажь, а серьёзное заболевание, с которым надо бороться.

В этот вечер Золотой Петушок заснул по привычке поздно, а на другой день его, как обычно, разбудили звуки радио.

Прослушав последние известия и ничего не поняв, так как теперь уже ни о чём, кроме своей болезни, не мог и думать, Золотой Петушок вдруг услышал, как чей-то громкий голос сказал:

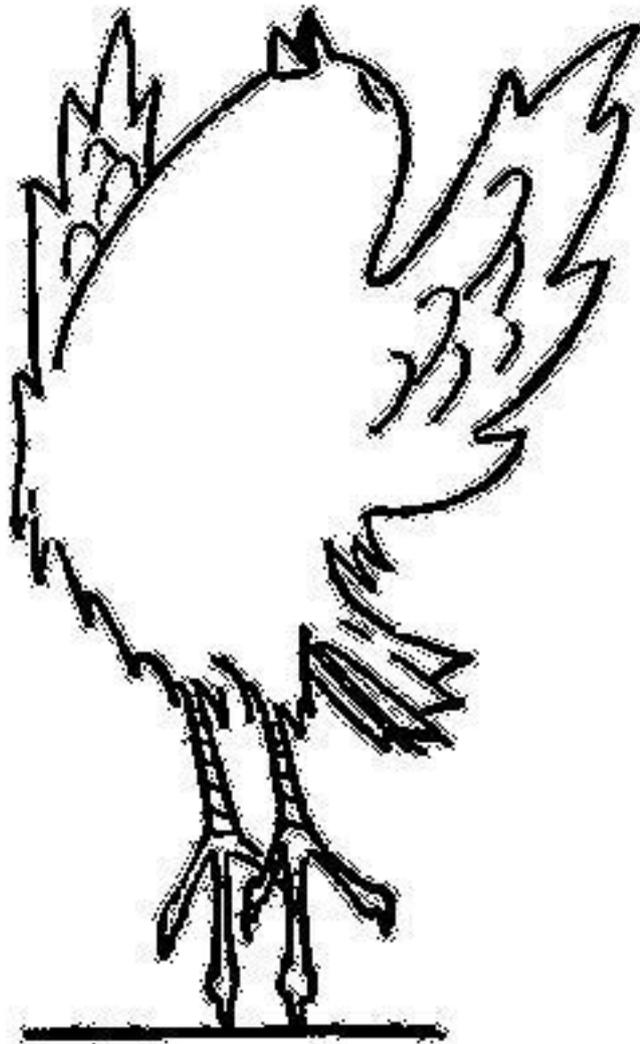
– А теперь начинаем урок гимнастики по радио. Приготовьтесь к ходьбе. Сделайте глубокий вдох. И... раз, два, три, четыре!..

Загремела музыка. И вот тут-то Золотому Петушку пришла в голову счастливая мысль.

– Э! – сказал он сам себе. – Да ведь это как раз то, что мне нужно! Займусь-ка и я гимнастикой.

Вспомнив, о чём говорил вчерашний профессор, Золотой Петушок принялся делать простейшие гимнастические упражнения, то есть сначала приподнимался на цыпочках и поднимал крылья кверху, одновременно делая глубокий вдох, после чего опускался на пятки, складывая крылышки на спине и делая выдох. Повторив это упражнение раз пять или шесть, он немножечко отдохнул и перешёл к наклонам корпуса, то есть наклонял туловище вперёд, опускал клюв к самому полу, расставляя при этом крылышки в стороны и делая выдох, после чего выпрямлялся в исходное положение и делал вдох. Это упражнение он тоже проделал раз пять-шесть и перешёл к подскокам и приседаниям, а именно: сначала он приседал, опустив крылышки вниз, потом подскакивал на одной левой ноге, а правую выбрасывал вперёд, после чего опять приседал и снова подскакивал, но уже на правой ноге, а левую выбрасывал вперёд или в сторону, так что со стороны казалось, будто воробей пляшет вприсядку.

Потрепыхавшись таким образом минут десять или пятнадцать, Золотой Петушок почувствовал, что ему вдруг страшно захотелось есть, и он тут же, позабыв о всяких болезнях, полетел разыскивать для себя корм. В этот день он был немного бодрей, голова у него соображала быстрее и он питался лучше обычного. Вечером он слушал радио не до самого конца, а только до десяти часов, после чего заткнул уши ватой и лёг спать. Умный воробей рассчитал, что если его будят утром в шесть часов, то надо ложиться не в двенадцать, а в десять, чтобы на сон оставалось восемь часов, как полагается.



Ночь Золотой Петушок провёл вполне хорошо, а наутро снова принялся за гимнастику. И так у него пошло. Каждое утро он делал зарядку, освоил не только подскоки, наклоны и приседания, но и повороты туловища, упражнения для брюшного пресса, поднятие ног в сидячем положении и, наконец, ходьбу, хотя это было для него наиболее трудное упражнение. Всем известно, что воробьи от природы не умеют ходить, то есть передвигаться по земле, переставляя попеременно то правую, то левую ногу. Обычно воробьи скачут, отталкиваясь от земли сразу двумя ногами. Однако наш Золотой Петушок освоил всё-таки этот метод и каждый раз заканчивал свои физкультурные упражнения ходьбой, то есть маршировал под музыку по лежащей вдоль чердака деревянной балке.

Не прошло и двух недель, как у нашего воробья восстановились сон и аппетит, а вместе с ними здоровье. Золотой Петушок стал по-прежнему добродушный, жизнерадостный, общительный и весёлый. Теперь он уже не мог даже без смеха вспомнить, как глупо вёл себя раньше. В общем, всё у него вернулось в прежнюю колею, и Золотой Петушок, хотя и с некоторым опозданием, успел всё же в это лето и гнездо построить, и птенцов вывести.

Этот случай как нельзя лучше доказывает, что из всякого положения можно отыскать выход.

А вот для Геннадия Варсонофьевича всё кончилось не так чтоб уж очень блестяще. Сначала никто из соседей не хотел разговаривать с ним, и это очень огорчало его. Потом он почувствовал, что ни с того ни с сего начинает вдруг гложуть. Страшно перепугавшись, он побежал в лечебницу. Врач выслушал его, внимательно осмотрел его уши как снаружи, так и внутри и сказал:

– Это у вас от излишнего шума, голубчик. У вас дома, должно быть, соседи скверные и много шумят. Вам обязательно надо переменить обстановку. Послушайте меня, дорогой, поезжайте куда-нибудь, где не так шумно. Если поживёте полгода в приличном месте, то есть в тишине, то слух ваш улучшится. Если же будете жить, как до сих пор жили, то оглохнете окончательно.

Бедный Геннадий Варсонофьевич постеснялся признаться врачу, что он попросту сам во всём виноват, но с тех пор стал вести совсем иной образ жизни. Громкоговоритель свой не включал, когда не было нужно, а если включал, то совсем потихонечку; когда кашлял или чихал, прикрывал рот платочком, чтоб не так громко было. Все жильцы очень скоро обратили внимание на перемену в его характере. Они снова стали разговаривать с ним и уже смотрели на него не сердито, а очень приветливо. А когда узнали, что шум для него вреден, то стали создавать вокруг него тишину: разговаривали между собой шёпотом, ходили на цыпочках и забивали в стены гвозди, только когда его дома не было.

Словом, все так хорошо заботились о здоровье Геннадия Варсонофьевича, что слух у него начал улучшаться, и даже появилась надежда, что со временем восстановится совсем.

Впоследствии, когда было изобретено телевидение, Геннадий Варсонофьевич купил себе телевизор. Вернувшись домой с работы, он обычно включал телевизор так, чтобы звук был совсем потихоньку слышен, и, усевшись поближе к экрану, смотрел, пока шла передача.

Все жильцы беспокоились, как бы он не испортил себе зрение, и нарочно заходили к нему поболтать о том о сём, чтоб хоть на некоторое время отвлечь его от телевизора.

Да, братцы, что ни говорите, а всё-таки хорошие люди у нас живут!

А для Наденьки вся эта история тоже кончилась очень благополучно. Мама вскорости убедилась, что нет смысла заставлять девочку учиться музыке, раз у неё нет призвания к этому делу. На следующую осень она забрала Наденьку из музыкальной школы, и с тех пор Наденька училась в обыкновенной школе. Кроме того, мама разрешила ей записаться в кружок кройки и шитья при Доме пионеров.

Когда Наденька окончила семь классов, она пошла в ремесленное училище, а потом в техникум, а когда окончила техникум, поступила работать на одёжную фабрику. И такая она хорошая оказалась мастерица, что слава о ней разнеслась по всему городу. Года через два или три её даже пригласили на работу в драматический театр, чтобы шить там костюмы, в которых актёры представляют на сцене. В театре ведь всегда требуются опытные портные, так как там приходится шить не только обычные костюмы, в которых люди ходят теперь, но и такие, которые носили в прошлые времена, а все актёры, как это известно, очень любят представлять пьесы из прошлых времён.

Наденька с большим удовольствием работала в драматическом театре, но её всё же почему-то тянуло туда, где куклы. В конце концов она бросила это занятие и пошла работать в кукольный театр, хотя ей платили там чуть ли не вдвое меньше, чем на прежнем месте. В кукольном театре она шила для кукол новые красивые платья, а потом и сама стала мастерить для спектаклей новые куклы. Увлёкшись работой, она даже стала выступать со своими куклами на сцене. Каждый ведь знает, что в кукольном театре куклы сами не могут ни двигаться, ни говорить. Их двигают и за них говорят люди, то есть актёры или актрисы.

Наденька так ловко управляла своими куклами и говорила за них с таким умением, что всем казалось, будто куклы сами собой двигаются и говорят. Даже больше того, куклы у неё не просто двигались и говорили, а переживали все чувства – и радовались от счастья, и страдали от горя, и волновались, и сердились, и смеялись, и плакали. И всё это у них получалось так естественно, что зрители, глядя на них, тоже смеялись и плакали и приходили в восторг.

Все увидели, что Наденька замечательная актриса, и ей присвоили звание заслуженной артистки республики. Теперь её все знают.

Фамилия этой артистки... Впрочем, фамилии я не скажу. Наденька согласилась, чтоб я рассказал о ней всё, что знаю, но взяла с меня обещание не называть её фамилию. Она считает, что зрителям кукольного театра не следует знать ни артиста, ни его фамилию. Зрители должны воображать, что куклы сами играют на сцене, будто живые. Если же зрители начнут думать, что за кукол играют люди, то всякое очарование пропадёт и спектакль потеряет всю свою силу. Мне почему-то кажется, что это не совсем так, но поскольку я обещание дал, то должен исполнить.

Мне, конечно, очень приятно, что у меня есть знакомая заслуженная артистка.

Я иногда захожу к ней в гости по старой памяти, она угощает меня чаем с печеньем, а иногда даже с пирожным и рассказывает разные интересные случаи из своей жизни.

– Скажите, – спросил я её однажды, – вот вы не захотели учиться музыке в детстве и, конечно, ничего не потеряли, потому что стали знаменитой артисткой. Но если все дети по вашему примеру будут отказываться учиться играть на пианино, не переведутся ли музыканты на свете?

В ответ на это Наденька рассмеялась так громко, словно я сморозил какую-то чепуху.

– Думаю, что такая беда нам пока не грозит, – сказала она. – Ребёнок, у которого есть способности к музыке, всегда будет учиться с охотой. Он сам будет стремиться стать музыкантом, и его не остановят никакие препятствия. Но вы всё-таки ошибаетесь, если на самом деле думаете, что я ничего не потеряла, отказавшись учиться музыке.

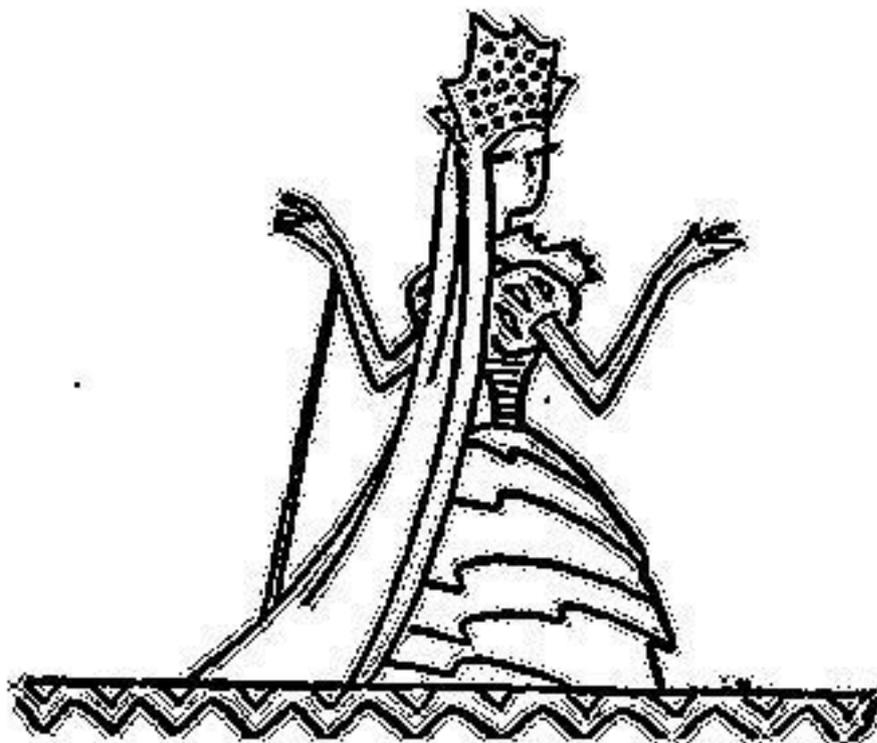
– Да, да, конечно, – поспешил согласиться я. – Теперь вы артистка, а артистке полезно уметь играть.

– Нет, вовсе не потому, – возразила Наденька. – Для моих кукол вовсе не нужно, чтобы я играла на пианино. Я хочу сказать, что музыка нужна каждому. Бывают минуты, когда человеку хочется петь, играть, танцевать, читать наизусть стихи, и он чувствует себя очень несчастным, если не может этого делать.

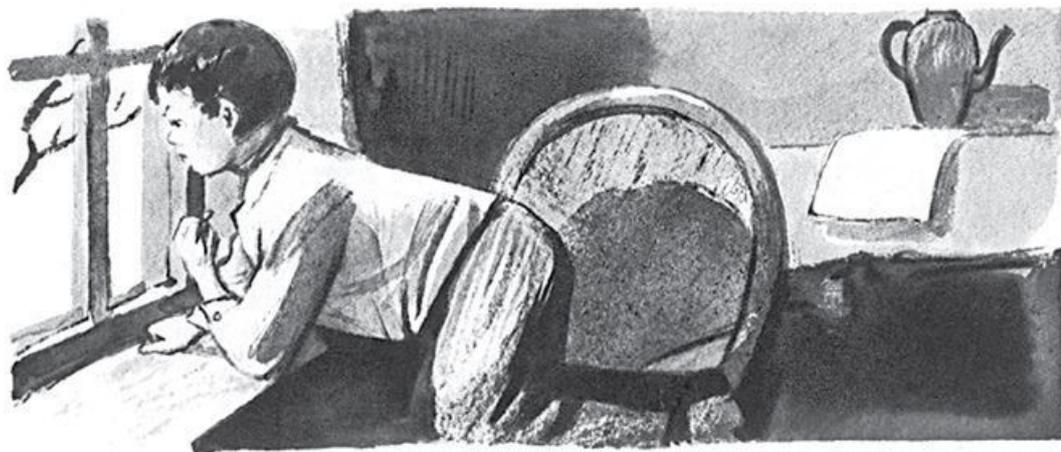
Вот какие разговоры у нас были с Наденькой. Всего, конечно, не перескажешь. Теперь надо рассказать про Наденькиных маму и папу. Наденькины мама и папа в конце концов успокоились и теперь вполне довольны своей судьбой. Теперь они стали совсем старенькими старичком и старушкой. Они часто ходят в кукольный театр, смотрят кукольные представления и очень гордятся своей дочкой.

– Что ж, – говорят они, – из неё не вышла знаменитая музыкантша, это верно, зато артистка получилась хорошая. В конце концов ведь не так важно, кем будешь: важно трудиться, приносить людям пользу, а не коптить, как говорится, небо без толку.

И это, конечно, правда!



На горке





Целый день ребята трудились – строили снежную горку во дворе. Сгребали лопатами снег и сваливали его под стенку сарая в кучу. Только к обеду горка была готова. Ребята полили её водой и побежали домой обедать.

– Вот пообедаем, – говорили они, – а горка пока замёрзнет. А после обеда мы придём с санками и будем кататься.

А Котька Чижов из шестой квартиры хитрый какой! Он горку не строил. Сидит дома да смотрит в окно, как другие трудятся. Ему ребята кричат, чтоб шёл горку строить, а он только руками за окном разводит да головой мотает – как будто нельзя ему. А когда ребята ушли, он быстро оделся, нацепил коньки и выскочил во двор. Чирк коньками по снегу, чирк! И кататься-то как следует не умеет! Подъехал к горке.

– О, – говорит, – хорошая горка получилась! Сейчас скачусь.

Только полез на горку – бух носом!
– Ого! – говорит. – Скользящая!
Поднялся на ноги и снова – бух! Раз десять падал. Никак на горку взобраться не может.



«Что делать?» – думает. Думал, думал – и придумал: «Вот сейчас песочком посыплю и заберусь на неё».

Схватил он фанерку и покатил к дворницкой. Там – ящик с песком. Он и стал из ящика песок на горку таскать. Посыпает впереди себя, а сам лезет всё выше и выше. Взобрался на самый верх.

– Вот теперь, – говорит, – скачусь!

Оттолкнулся ногой и снова – бух носом! Коньки-то по песку не едут! Лежит Котька на животе и говорит:

– Как же теперь по песку кататься?

И полез вниз на четвереньках.

Тут прибежали ребята. Видят – горка песком посыпана.

– Это кто здесь напортил? – закричали они. – Кто горку песком посыпал? Ты не видал, Котька?

– Нет, – говорит Котька, – я не видал. Это я сам посыпал, потому что она была скользкая и я не мог на неё взобраться.

– Ах ты, умник! Ишь что придумал! Мы трудились, трудились, а он – песком! Как же теперь кататься?

Котька говорит:

– Может быть, когда-нибудь снег пойдёт, он засылет песок, вот и можно будет кататься.

– Так снег, может, через неделю пойдёт, а нам сегодня надо кататься.

– Ну, я не знаю, – говорит Котька.

– Не знаешь! Как испортить горку, ты знаешь, а как починить, не знаешь! Бери сейчас же лопату!

Котька отвязал коньки и взял лопату.

– Засыпай песок снегом!

Котька стал посыпать горку снегом, а ребята снова водой полили.

– Вот теперь, – говорят, – замёрзнет, и можно будет кататься.

А Котье так работать понравилось, что он ещё сбоку лопатой ступеньки проделал.

– Это, – говорит, – чтоб всем было легко взбираться, а то ещё кто-нибудь снова песком посылет!



Ступеньки



Однажды Петя возвращался из детского сада. В этот день он научился считать до десяти. Дошёл он до своего дома, а его младшая сестра Валя уже дожидается у ворот.

– А я уже считать умею! – похвастался Петя. – В детском саду научился. Вот смотри, как я все ступеньки на лестнице сосчитаю.

Стали они подниматься по лестнице, а Петя громко ступеньки считает:

– Одна, две, три, четыре, пять...

– Ну, чего ж ты остановился? – спрашивает Валя.

– погоди, я забыл, какая дальше ступенька. Я сейчас вспомню.

– Ну вспоминай, – говорит Валя.

Стояли они на лестнице, стояли. Петя говорит:

– Нет, я так не могу вспомнить. Ну-ка, лучше начнём сначала.

Сошли они с лестницы вниз. Стали снова вверх подниматься.

– Одна, – говорит Петя, – две, три, четыре, пять...

И снова остановился.

- Опять забыл? – спрашивает Валя.
 - Забыл! Как же это! Только что помнил и вдруг забыл! Ну-ка, ещё попробуем.
- Снова спустились с лестницы, и Петя начал сначала:



- Одна, две, три, четыре, пять...
- Может быть, двадцать пять? – спрашивает Валя.
- Да нет! Только думать мешаешь! Вот видишь, из-за тебя забыл! Придётся опять сначала.

– Не хочу я сначала! – говорит Валя. – Что это такое? То вверх, то вниз, то вверх, то вниз! У меня уже ноги болят.

– Не хочешь – не надо, – ответил Петя. – А я не пойду дальше, пока не вспомню.

Валя пошла домой и говорит маме:

– Мама, там Петя на лестнице ступеньки считает: одна, две, три, четыре, пять, а дальше не помнит.

– А дальше шесть, – сказала мама.

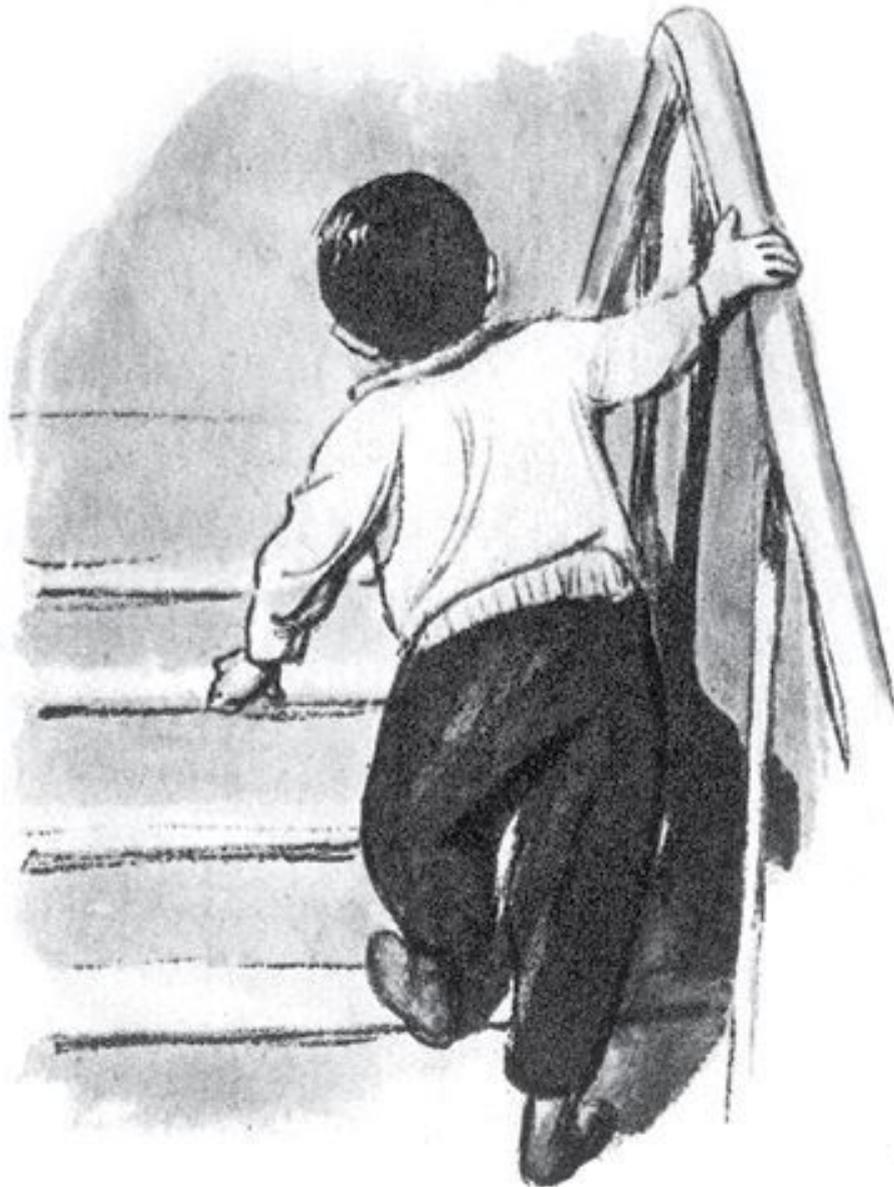
Валя побежала обратно к лестнице, а Петя всё ступеньки считает:

– Одна, две, три, четыре, пять...

– Шесть! – шепчет Валя. – Шесть! Шесть!

– Шесть! – обрадовался Петя и пошёл дальше. – Семь, восемь, девять, десять.

Хорошо, что лестница кончилась, а то бы он так и не дошёл до дому, потому что научился только до десяти считать.



Живая шляпа



Шляпа лежала на комодe, котёнок Васька сидел на полу возле комода, а Вовка и Вадик сидели за столом и раскрашивали картинки. Вдруг позади них что-то плюхнулось – упало на пол. Они обернулись и увидели на полу возле комода шляпу.

Вовка подошёл к комоду, нагнулся, хотел поднять шляпу – и вдруг как закричит:

– Ай-ай-ай! – и бегом в сторону.

– Чего ты? – спрашивает Вадик.

– Она жи-жи-живая!

– Кто живая?

– Шля-шля-шля-па.

– Что ты! Разве шляпы бывают живые?

– По-посмотри сам!

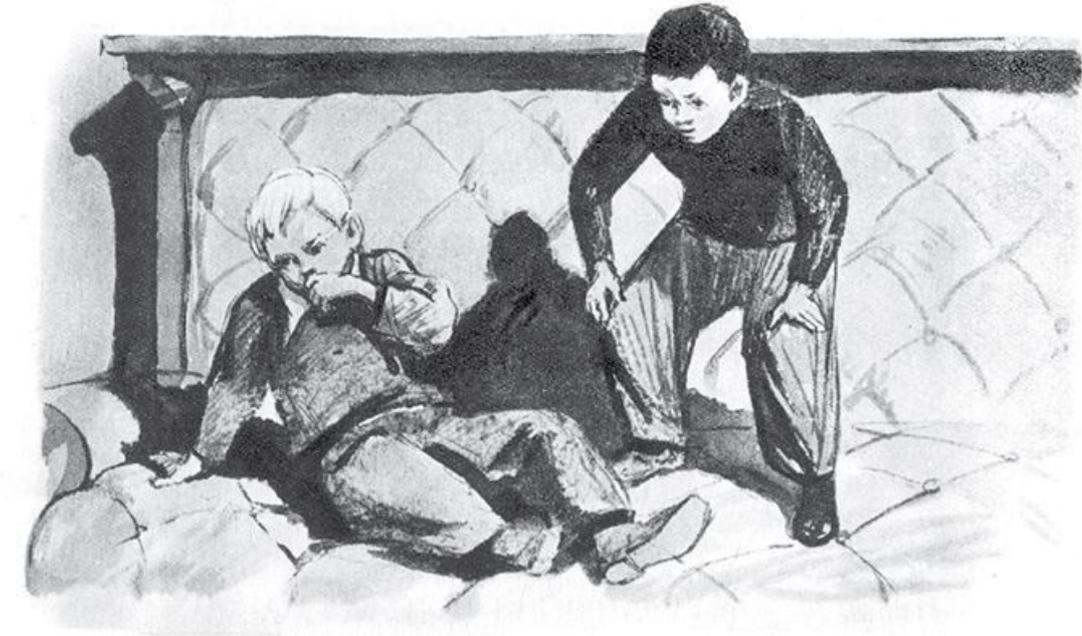
Вадик подошёл поближе и стал смотреть на шляпу. Вдруг шляпа поползла прямо к нему. Он как закричит:

– Ай! – и прыг на диван.

Вовка за ним.

Шляпа вылезла на середину комнаты и остановилась. Ребята смотрят на неё и трясутся от страха. Тут шляпа повернулась и поползла к дивану.

– Ай! Ой! – закричали ребята.



Соскочили с дивана – и бегом из комнаты. Прибежали на кухню и дверь за собой закрыли.

– Я у-у-хо-хо-жу! – говорит Вовка.

– Куда?

– Пойду к себе домой.

– Почему?

– Шляпы бо-боюсь! Я первый раз вижу, чтоб шляпа по комнате ходила.

– А может быть, её кто-нибудь за верёвочку дёргает?

– Ну, пойдёшь посмотри.

– Пойдём вместе. Я возьму кочергу. Если она к нам полезет, я её кочергой тресну.

– Постой, я тоже кочергу возьму.

– Да у нас другой кочерги нет.

– Ну, я возьму лыжную палку.

Они взяли кочергу и лыжную палку, приоткрыли дверь и заглянули в комнату.

– Где же она? – спрашивает Вадик.

– Вон там, возле стола.

– Сейчас я её как тресну кочергой! – говорит Вадик. – Пусть только подлезет ближе, бродяга такая!

Но шляпа лежала возле стола и не двигалась.

– Ага, испугалась! – обрадовались ребята. – Боится лезть к нам.

– Сейчас я её спугну, – сказал Вадик.

Он стал стучать по полу кочергой и кричать:

– Эй, ты, шляпа!

Но шляпа не двигалась.

– Давай наберём картошки и будем в неё картошкой стрелять, – предложил Вовка.

Они вернулись на кухню, набрали из корзины картошки и стали швырять её в шляпу. Швыряли, швыряли, наконец Вадик попал. Шляпа как подскочит кверху!

– Мяу! – закричало что-то.

Глядь, из-под шляпы высунулся серый хвост, потом лапа, а потом и сам котёнок выскочил.

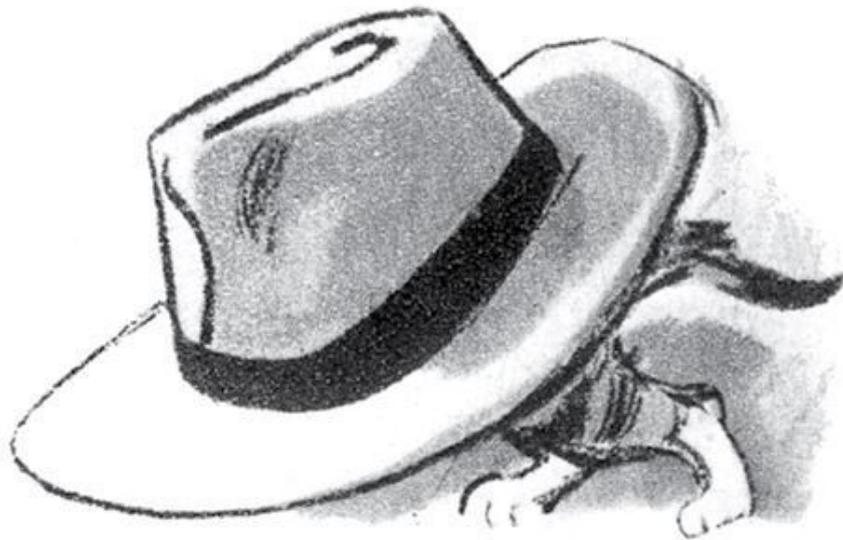
– Васька! – обрадовались ребята.

– Наверно, он сидел на полу, а шляпа на него с комода упала, – догадался Вовка.

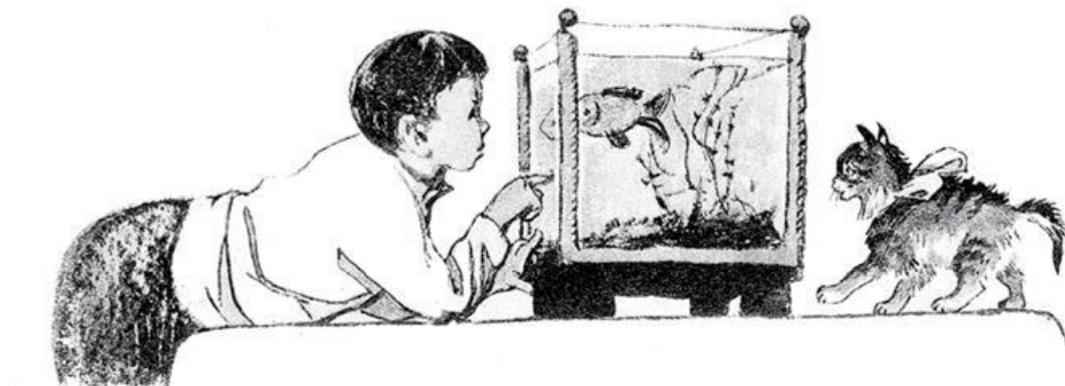
Вадик схватил Ваську и давай его обнимать:

– Васька, миленький, как же ты под шляпу попал?

Но Васька ничего не ответил. Он только фыркнул и жмурился от света.



Карасик



Мама недавно подарила Виталику аквариум с рыбкой. Очень хорошая была рыбка, красивая! Серебристый карасик – вот как она называлась. Виталик был рад, что у него есть карасик. Первое время он очень интересовался рыбкой – кормил её, менял воду в аквариуме, а потом привык к ней и иногда даже забывал её вовремя покормить.

А ещё у Виталика был котёнок Мурзик. Он был серый, пушистый, а глаза у него были большие, зелёные. Мурзик очень любил смотреть на рыбку. По целым часам он сидел возле аквариума и не сводил глаз с карасика.

– Ты смотри за Мурзиком, – говорила Виталику мама. – Как бы он не съел твоего карася.
– Не съест, – отвечал Виталик. – Я буду смотреть.

Однажды, когда мамы не было дома, к Виталику пришёл его друг Серёжа. Он увидел в аквариуме рыбку и сказал:

– Давай меняться. Ты дай мне карасика, а я, если хочешь, дам тебе свой свисток.

– Зачем мне свисток? – сказал Виталик. – По-моему, рыбка лучше свистка.

– Чем же она лучше? Свисток свистеть может. А рыбка что? Разве может рыбка свистеть?

– Зачем же рыбке свистеть? – ответил Виталик. – Рыбка свистеть не может, зато она плавает. А свисток разве может плавать?

– Сказал! – засмеялся Серёжа. – Где это видано, чтобы свистки плавали! Зато рыбку может кот съесть, вот и не будет у тебя ни свистка, ни рыбки. А свисток кот не съест – он железный.

– Мне мама не позволяет меняться. Она говорит, что сама купит, если мне что-нибудь надо, – сказал Виталик.

– Где же она купит такой свисток? – ответил Серёжа. – Такие свистки не продаются. Это настоящий милиционерский свисток. Я как выйду во двор да как засвищу, сразу все подумают, что милиционер пришёл.

Серёжа вынул из кармана свисток и засвистел.

– А ну, дай я, – попросил Виталик.

Он взял свисток и подул в него. Свисток звонко, переливчато засвистел. Виталику очень понравилось, как он свистит. Ему захотелось иметь свисток, но он не мог сразу решиться и сказал:

– А где у тебя будет жить рыбка? У тебя ведь аквариума нет.

– А я посажу её в банку из-под варенья. У нас большая банка есть.

– Ну ладно, – согласился Виталик.

Ребята принялись ловить рыбку в аквариуме, но карась плавал быстро и не давался в руки.





Они набрызгали вокруг водой, а Серёжа измочил рукава до самых локтей. Наконец ему удалось схватить карасика.

– Есть! – закричал он. – Давай сюда какую-нибудь кружку с водой! Я посажу туда рыбку.

Виталик поскорей налил в кружку воды. Серёжа посадил карася в кружку. Ребята пошли к Серёже – сажать рыбку в банку. Банка оказалась не очень большая, и карасику в ней было не так просторно, как в аквариуме. Ребята долго смотрели, как карасик плавает в банке. Серёжа радовался, а Виталику было жалко, что теперь у него не будет рыбки, а главное, он боялся признаться маме, что променял карасика на свисток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.